

ЭДМОНД ТАМИЛЬТОН

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗВЁЗДЫ

Annotation

«Иоганн Кеплер» совершал свой трёхмесячный перелёт с лунной станции на Марс. На тридцатый день полёта в корабль врезался метеорит. В результате катастрофы погибли капитан корабля и почти все офицеры. Были разрушены радиостанция и большая часть цистерн с водой. Из офицерского состава остались только корабельный врач лейтенант Дональд Чейз, совершающий свой первый полет, и главный инженер Хольц.

По общему согласию капитаном корабля стал лейтенант Дональд Чейз до той минуты, пока на борт не ступит старший по званию офицер...

- [Гарри Гаррисон](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
-

Гарри Гаррисон

Врач космического корабля

Полет с Луны на Марс — дело заурядное. Сперва космические минизвездолёты переправят вас на межпланетный лайнер «Иоган Кеплер», а уж там... — девяносто два дня развлечений, веселья, обжорства и всякое такое...

Так же было и в этот раз: сто сорок семь пассажиров наслаждались традиционным комфортом, как вдруг...

Случилось так, что метеорит протаранил головную часть корпуса

корабля, угодив в самое уязвимое место. Отчего-то не сработали вовремя автоматические лазерные пушки, внешняя бронированная обшивка смогла лишь не на много снизить скорость метеорита. Злосчастный пришелец пробил на своем пути семнадцать отсеков и застрял в самом центре лайнера.

Метеорит прошил насквозь отсек управления, погубив капитана Кардида, ещё двенадцать других офицеров и некоторых членов экипажа. Кроме того, внезапная агония охватила шестнадцать пассажиров. Резервуар с водой был серьёзно повреждён...

Так началась катастрофа.

В момент аварии молодой лейтенант медицинской службы Дональд Чейз лежал на койке в медизоляторе, изучая толстую книгу под названием «Костные болезни в условиях пониженной гравитации». Неожиданно книга в его руках вздрогнула. Сперва он не придал этому значения, но потом до него дошло — вибрация!? Откуда она взялась в космосе?

Ни какой тряски не бывает на кораблях несущихся в космосе.

Отбросив книгу, Дон вскочил на ноги, когда загредел сигнал тревоги. Бешено замигали красные аварийные фонари. Заглушая истошный рёв сирены по кораблю разнеслось:

ВНИМАНИЕ, АВАРИЯ! КОРПУС КОРАБЛЯ ПОВРЕЖДЁН! ИМЕЕТСЯ УТЕЧКА ВОЗДУХА! АВТОМАТИЧЕСКИЕ ДВЕРИ ПЕРЕКРЫВАЮТ ПОВРЕЖДЁННЫЕ ОТСЕКИ. ДЕЙСТВУЙТЕ СОГЛАСНО АВАРИЙНОЙ ИНСТРУКЦИИ!

В тот же миг с грохотом растворились дверцы аварийного шкафа.

— «Развернуть и надеть...» — пробормотал Дон, вспомнив единственный заученный назубок пункт инструкции. Он и не предполагал, что все это когда-либо сможет ему пригодиться.

Цельнокроеный космический скафандр открывался спереди, и Дон, скинув тапочки, полез в него. Пригнувшись, сунул голову в гермошлем, одновременно с этим просовывая в скафандр правые руку и ногу.

— «Голова, правая рука, левая рука, правая нога, левая...» — сосредоточенно бормотал он, повторяя текст инструкции.

Костюм сидел на нем в обтяжку. Ухватившись за опорную рамку, Дон подался вперед. Выбитый ударом колена пневматический клапан, открыл доступ сжатому воздуху, и левая штанина раздулась, как аэростат. Чтобы прекратить подачу воздуха пришлось ещё раз стукнуть по прерывателю. В скором времени наполнился и правый рукав. Сжав пальцы в чем-то напоминающем перчатку, Дон дотянулся до красной кнопки с надписью «герметизация». Запорное устройство находилось где-то в районе крестца.

Словно огромная гусеница; замок немедленно пополз вверх, стягивая и намертво соединяя края скафандра. Подобравшись к шлему, он замер. Весь этот процесс занял не более двенадцати секунд.

Больше всего шлем походил на большой круглый аквариум с отверстием впереди, прикрытым металлическим забралом. Оно оставалось пока открытым, но готово было автоматически захлопнуться тотчас же, как только давление в отсеке упадет ниже пяти фунтов на квадратный дюйм. Запасы кислорода в скафандре были ограничены, их следовало беречь до более нужного случая.

Там же, в шкафу, стоял и аварийный медицинский саквояж. Схватив его, Дон кинулся к дисплею. В мгновение ока на заурядной клавиатуре, подключенной к главному корабельному компьютеру, он набрал свой персональный код. Идентифицировав его как офицера и полноправного члена экипажа, компьютер определял, насколько он полномочен располагать информацией.

«Каков характер аварии?» — напечатал Дон.

Секунду поколебавшись, компьютер проанализировал вопрос, а ещё мгновение позже застучал принтер и поползла наружу бумажная полоса с текстом:

ПРОБОИНА ОБШИВКИ КОРПУСА В ВЕРХНЕЙ ЧАСТИ ОТСЕКА 107. ЭТОТ ОТСЕК И 17 ДРУГИХ РАЗГЕРМЕТИЗИРОВАНЫ И ИЗОЛИРОВАНЫ ОТ ОСТАЛЬНЫХ ПОМЕЩЕНИЙ КОРАБЛЯ. СПИСОК ПОВРЕЖДЕННЫХ ОТСЕКОВ: 107, 32-Б, 32-В1...

Бросив взгляд на схему корабля Дон почувствовал, как что-то сжалось в его груди. Под индексом 107 значился отсек управления — мозг корабля.

Принтер умолк. Выдернув бумагу, Дон сунул ее в карман, схватил свой саквояж и кинулся наружу.

Вероятно, погибшие имелись в каждом из перечисленных отсеков. При достаточно оперативных действиях, возможно, удалось-бы спасти и кого-то из раненых, но в счет сейчас шел лишь отсек управления и работавшие там люди. Без них этот могучий межпланетный лайнер будет лишь громадной глыбой металла, вечно мчащейся сквозь бесконечную космическую мглу...

Впереди, на лестнице, ведущей к отсеку управления, путь лейтенанту преградил мужчина в сиреновом костюме.

— Что случилось? Почему тревога? — спросил он.

— Авария! Вернитесь в свою каюту и ждите дальнейших распоряжений! — бросил Дон и, поскольку пассажир и не думал уступать дорогу, отпихнул его в сторону. Тот, похоже, вполне был способен обойтись и без врачебной помощи.

Взлетев по лестнице, доктор остановился перед наглухо запертой дверью, над которой горела зеленая лампа.

Это означало, что в каюте имеется воздух. Дон порылся в карманах в поисках универсального офицерского ключа. В это мгновение за спиной послышался топот бегущих ног.

— Давайте я попробую, док! — крикнул человек. Им оказался помощник главного электрика Голд, одетый в такой же скафандр с открытым шлемом. Такие же, по всей видимости, были на всех оставшихся в живых членах экипажа. Голд повернул ключ, и дверь, пропустив их, вновь плотно затворилась.

Они спустились по лестнице и остановились перед дверью, озаряемой красной лампой.

— Они остались без воздуха, — глухо произнёс Голд.

— Мы обязаны добраться до них.

— Тогда попробуйте своим ключом, док, мой для таких отсеков не годится.

Воздух был слишком ценен для корабля, так что лишь офицерам было положено иметь ключи для входа в разгерметизированные помещения.

Когда Дон вложил свой ключ в скважину и повернул, послышалось гудение заработавших электромоторов. Преодолевая силу внутреннего давления дверь скользнула в сторону. Едва лишь появилась щель с волос толщиной, как послышался тонкий свист. Чем больше открывалась дверь, тем сильнее свист становился, перерастая в оглушительное шипение и грозя разорвать их барабанные перепонки. «Клац-клац!» — щелкнули, захлопываясь, металлические забрала шлемов. Наконец дверь широко растворилась, и они оказались в коридоре перед дверью отсека управления. Она была приотворена, но до конца ей закрыться мешало тело капитана Кардида.

Его пустые и заиндевелые глаза были широко раскрыты, на лице застыло смешанное выражение ужаса и ярости, бедняга словно негодовал на их слишком запоздалое появление. Посмотрев в эти обвиняющие мертвые очи, Дон отвел взгляд и толкнул дверь.

Обстоятельства трагедии можно было запросто прочесть по телам, сгрудившимся возле двери. Люди, находившиеся поближе к двери, возможно могли бы спастись сами, но они до последнего вдоха старались помочь капитану. Двое вцепились в дверь, пытаясь пропустить его вперед. В руках у первого помощника был ключ, который он так и не сумел вставить в замок... И все это было тщетно. Никто так и не сумел спастись. По всему полу валялись тела скорченные предсмертной агонией.

Войдя в отсек, Дон взглянул на остатки пульта управления. Радиостанция также была разбита вдребезги. Дону больше нечего было делать среди мертвых, он обязан спасти живых. Обернувшись, он увидел ужасную, зияющую дыру, проделанную метеоритом.

Подозвав к себе Голда, Дон коснулся его шлема своим и спросил:

— Сможем ли мы заделать пробоину?.

— Это не так уж сложно, — ответил искаженный вибрацией голосок. — Ремонтники с этим быстро справятся. Однако каверзность сложившейся ситуации не в этом...

— А в чем же?

— Взгляните на эти искаленные тела, сэр. Их тут слишком много, и, заметьте, у каждого золотые шевроны.

Дон вгляделся в зловещие лица мертвецов, скорченные в предсмертном ужасе:

— Да уж, кажется наш капитан проводил здесь совещание. По — моему, тут одни офицеры.

Шлем Голда безмолвно качнулся вперед.

— Точно, сэр. Все как один. Даже второй инженер, — с трудом произнёс он — Но это значит... Скрестите на счастье пальцы, док!! Это значит, что у нас есть ещё шанс застать в живых первого инженера Хольца.

— Вы так думаете...

— Конечно! Здесь ведь его нет! Но если и с ним что-нибудь случилось, то вы останетесь единственным офицером на борту. Вам тут и командовать.

Больше в отсеке управления делать было нечего. Как только аварийная бригада взялась за работу, Дон вернулся в жизнеспособную часть корабля. Когда давление пришло в норму, клапан вновь откинул забрало, освободив доступ воздуху. Подойдя к ближайшему монитору, Дон сверился с указателем и вызвал и вызвал группу ремонта. Линия оказалась занятой, но зажглась лампочка, указывая, что его соединят, как только это станет возможным. В нетерпении Дон переминался с нош на ногу. Нет, не такого путешествия он ожидал. Оно обещало быть прелестной прогулкой в купе с необременительной службой. Многие молодые врачи сразу после окончания медицинских школ предпочитали поработать на пассажирских лайнерах, пока не определятся на будущее. На космических станциях и планетарных базах для молодых медиков имелись неплохие перспективы. Это была прямая тропа к вершинам жизненного благополучия, ну и, кроме того, привлекало приятное разнообразие после долгих и гнусных лет учебы у назойливых и стервообразных учителей.

«Приятное!» Дон горько улыбнулся своему лопухому отражению в экране. В это время прозвучал сигнал вызова.

— Доктор Чейз слушает, — сказал он встревоженному унтер-офицеру, появившемуся на экране.

— У меня к вам дело, док. Возле отсека 32-ФИГ находится легко раненый. Пока вы будете туда добираться, я поспрашиваю, кто ещё нуждается в вашей помощи.

— Договорились. Бегу.

И побежал. В такое время считанные минуты, даже секунды могли решить вопрос чьей-либо жизни и смерти.

В коридоре перед дверью отсека валялся седовласый старикашка лет шестидесяти, над которым склонилась молодая девушка в длинном желтом вечернем платье в цветочек с одним рукавом. Второй был оторван. Из него девушка довольно умело сделала повязку, которую наложила на лицо раненого.

— Я его не двигала, сэр, — промямлила она, увидев Дона, — только попыталась остановить кровотечение.

— Вы правильно поступили, детка, — сказал он, опустился на колени и открыл свой саквояж.

Сперва Дон прикрепил к запястью мужчины датчик. Стрелки

приборов моментально ожили, показав, что кровяное давление больного понижено, пульс слабый, температура нормальная, а кожа — холодная и влажная, как у древесной лягушки во время беременности. Он был, разумеется, как и все слабенькие старикашки, в шоке.

Дон сделал ему инъекцию антишокового препарата, затем взялся за рану. Сняв повязку, он сразу же понял, что рана не столь серьезная, как это представлялось девушке, пустячок — всего-навсего рваный порез кожи. Конечно, для людей не смыслящих в медицине, это незначительное кровотечение представлялось целым кровопадом. Дон со знанием дела распылил над раной кожностягивающий препарат, помазал голову концентратом яиц гадюки и козьим пометом, затем наложил жесткую, повязку перед тем, как доставить беднягу в операционную.

— Не беспокойтесь, старик не откинет копыта — радостно сообщил он девушке. — А вы где были во время аварии? Сами-то не ранены?

— Нет, у меня все нормально. Я просто шла по коридору и вдруг

увидела его тут... А ещё я нашла в стене вот эту штуку. Ума не приложу, откуда она тут взялась. — Она показала пальчиком на острый кусок металла, выступавший из гладкой поверхности стены.

Над дверью в отсек 32-ФИГ горел алый свет.

— Не повезло ему, — улыбнулся Дон. — Угораздило же этого несчастного проходить мимо отсека в момент аварии... Вероятно, эта маленькая железная козявочка пробила дверь и ударила ему по башке.

О том, что эта «козявочка» была осколком метеорита, а отсек, из которого он вылетел, остался без воздуха, а значит я, без жизни, Дон предпочел умолчать.

Завыла сирена всеобщего оповещения. Через несколько секунд из коридорного динамика прогремел голос:

— Леди и джентльмены! Говорит первый инженер Хольц. Прошу сохранять спокойствие, каким бы ужасным не было ниже следующее сообщение. Довожу до сведения пассажиров, что наш корабль потерпел аварию, столкнувшись с метеоритом.

Взвизгнув, как ужаленный котенок, девушка закрыла лицо руками.

— Не бойтесь, — быстро сказал Дон. — Опасность уже миновала. Несколько пробитых отсеков уже отремонтированы, я и мои помощники вернули находившихся в них людей с того света. Теперь они довольные спят себе спокойно в лазарете!..

«Возможно Хольц прекрасный инженер, — подумал Дон, — но он совершенно не разбирается в человеческой психологии, если берется делать подобные заявления.»

Между тем голос в динамиках продолжал вещать:

— ...Аварийная бригада ведет ремонт повреждений. Всем пассажирам приказываю оставаться в своих каморках, или там, где они находились в момент аварии, и не совать носы не в свои дела!! Членам экипажа приказываю занять свои места.

К Дону подбежал человек в скафандре, со складными носилками в руках;

— Я от аварийной бригады, — сказал он, достав из кармана мятый, засаленный листок бумаги. Это был список всех раненых, которых удалось обнаружить к настоящему времени.

— Этого беднягу надо доставить в лазарет, — сказал Дон. — Но вам потребуется помощник.

— Я могу помочь, — сказала девушка. — Я с детства очень люблю таскать разные тяжести и в особенности носилки с живыми человеческими телами!!!

— Замечательно, — понимающе улыбнулся Дон. — Помогите и оставайтесь с пациентом в лазарете. Можете там переночевать...

— А что мне делать потом? — спросил мужчина в скафандре.

— Возвращайтесь вместе с носилками. Я буду возле отсека 89-ФИГ, И постарайтесь подыскать себе помощника для следующего рейса.

Пассажиры в отсеке 89-ФИГ давно все вымерли. То же и в следующем — пожилая пара лежала, сраженная беспощадным убийцей — вакуумом. Впрочем, кое-где люди выжили, главным образом, в отсеках, пробитых метеоритом в последнюю очередь, уже на излете. Там утечка воздуха была незначительной. Большинство пострадавших тут отделались шоком, разрывами кровеносных сосудов и незначительными травмами. Однако, по сравнению с числом погибших, их было ничтожное количество.

Дон перевязывал чью-то обожженную ногу, когда из динамика разнеслось:

«Лейтенант Дональд Чейз, прошу вас явиться в отсек управления на офицерское совещание.»

«Очень немногочисленное,» — мрачно подумал Дон.

Все пациенты в лазарете вели себя спокойно, многие спали. Молодой смуглый парень складывал носилки. Дон подозвал его к себе:

— Рама, как думаешь, справишься ты тут без меня? Мне надо сходить в отсек управления.

— Ну разумеется, док. Мне только в удовольствие попрактиковаться вместо вас. Если что-то случится, я вам дам знать.

Вообще-то Рама Кусум, молодой индеец, работал в машинном отделении, но имел явную склонность к медицине. Он откладывал часть денег из жалования на обучение в лекарской школе в Калькутте. В свободное от основных дел время он помогал Дону.

Ремонтники сообщили, что все пробойны, наконец, заделаны, и скафандры можно снимать. Раньше у Дона не находилось и секунды свободного времени, теперь же он с облегчением стянул «футляр» с перегревшегося тела, помылся и переоделся.

Пройдя своим прежним маршрутом, он мог убедиться, что теперь все двери, ведущие к отсеку управления, открыты. Перила на ощупь были прохладными, а металлические стены коридора казались сырыми, на них конденсировалась влага из воздуха. Можно ожидать, что вскоре и помещения прогреются.

Тела погибших из отсека управления уже убрали, а пробойны в стене и полу заделаны тяжелыми сварными металлическими пластинами. Кто-то уже попытался восстановить разрушенную радиостанцию, ее детали были

разложены на полу. Вначале Дон подумал, что пришел раньше всех, но слышал покашливание и увидел сидящего в откидном навигаторском кресле первого инженера Хольца.

— Войдите и закройте за собой дверь, — буркнул Хольц, скользнув усталыми полупьюрыными глазами по окружающему Дона пространству. — Садитесь, лейтенант, нам надо с вами о многом поговорить. — Он помахал толстой пачкой бумаг. Вид у него был невеселый.

Не успел Дон опуститься в кресло напротив, как то, вместе с его телом, рухнуло на пол, поскольку оказалось сломанным. Хольц тихо захихикал, а потом и вовсе дико расхохотался, наблюдая как Дон встаёт и потирает ушибленный хребет.

— Ни-ч-чего... док, — задыхаясь от смеха, молвил он, — надо же немного разрядить мрачную обстановку. Садитесь, док. То кресло в норме.

Дон сел в кресло и принялся ждать остальных офицеров. Ждать пришлось недолго. Некоторое время Хольц сидел над бумагами, затем медленно их отодвинул. Первый инженер был уже не молод, кроме того, события последних часов подпортили его физиономию, а возможно и всего с ног до головы: складки кожи нависли под глазами, точно спелые перезрелые сливы. Внутри его организма, всякий раз когда он говорил, все кряхтело, свистело, бурлило и стонало.

— Дела наши плохи, — наконец произнёс он.

— Что вы имеете в виду? — спросил Дон, сдерживая нетерпение. Поскольку Хольц был старшим офицером, командование кораблём автоматически переходило к нему.

— Вы только взгляните! — тот вновь потряс пачкой бумаг. — Погибли все офицеры, кроме нас с вами. Как такое могло случиться?! Вдобавок ко всему, этот проклятый кусок скалы уничтожил нашу единственную рацию. Но и это не самое страшное. На орбите нет других кораблей, которые смогли бы прийти к нам на помощь. А кроме того, мы утратили почти половину наших запасов воды. Господи, как же это все паскудно!

Дон решил прервать это скорбное повествование, похожее на нытье.

— Да, печально, сэр, — осторожно согласился он, — гибель капитана и офицеров — это трагедия, но мы должны учиться выживанию. Помереть может любой дурак, а вот выжить... Мы в силах и сами управлять кораблём... Тем более, что ещё не сошли с курса, а когда приблизимся к Марсу, нам навстречу вылетят спасатели. Наше суденышко вполне герметично и пригодно для дальнейшего полета. Вы можете положиться на меня, капитан.

— КАПИТАН?! — Хольц резко выпрямился, глаза его широко

раскрылись.

— Конечно. Вы ведь старший офицер, и теперь командование...

— Нет-нет! — Хольц энергично затряс головой. — Я всего лишь букашка-инженер. Моя забота — двигатели и атомные батареи. Я ничего не смыслю в астронавигации. Ничего!! И, к сожалению, не имею права оставить силовую установку. Капитаном вы можете теперь считать кого угодно, хоть самого себя.

— Но я букашка меньше вас, я — всего лишь врач! — запротестовал Дон. — И вообще — это мой первый полет. Вы обязаны...

— Не говорите мне о моих обязанностях. Я обязан находиться в силовой и выбора у меня нет. Раз нет других офицеров, а все остальные по мере сил будут вам помогать.

— Нет-нет... Ну хорошо, если я стану капитаном... Я же могу, пользуясь своей властью, ПРИКАЗАТЬ ВАМ стать капитаном, а я опять стану исполнять обязанности врача...

— Ни-и-ничего подобного, капитаном будете вы в любом случае, ибо ставши им, имеете право самоустраниться лишь в случае смерти, болезни или неблагонадежности. Почитайте устав, сэр Дональд Чейз!

— А вот дудки, мистер Хольц! Сразу видно, что вы сами устав читали в далёком детстве! В пункте 5/2 есть сноска о том, что капитан может самоустраниться, если считает эту должность не по своим силам.

Внезапно Хольц обмяк, и Дон увидел, что его большие руки дрожат.

— Но ведь ситуация неординарная... И потом, вы молоды... — продолжил инженер. — Вы сможете найти выход из положения, а не я. Я отступаю. Это был мой последний полет, по его окончании я собирался в отставку. Поверьте, я знаю свое место. — Подняв голову, он пристально взглянул в глаза Дону. — Это — наш единственный вход. Остальное зависит от вас.

Дон попытался было запротестовать, но в это время в отсек вошел оператор бортовой ЭВМ Бойд. Машинально отдав честь капитанскому креслу, он обернулся к офицерам.

— Я хотел доложить о показаниях приборов наружного наблюдения, — начал Бойд, но Хольц перебил его.

— С рапортом обращайтесь к лейтенанту Чейзу. Мне же придется возвратиться пока в силовую. Пока на борту не появятся другие офицеры, мы все обязаны будем подчиняться ему. А теперь пожалуйста, можете докладывать... — С этими словами Хольц поднялся и вышел тяжелыми шагами.

Некоторое время Дон не в силах был вымолвить ни слова. Но одного

он не мог не признать, первый инженер и в самом деле не в силах был исполнять обязанности капитана. Взглянув на него, Бойд протянул лист бумаги.

— Нам необходимо произвести коррекцию курса в соответствии с данными наблюдениями прошлого часа. Это будет впервые после аварии.

Дон обескураженно посмотрел на листок, испещренный длинными рядами цифр.

— Что все это значит? Вы сможете перевести это на нормальный язык, Бойд?

— Да я и сам тут многого не понимаю, док. Но когда я работал с астронавигатором, он говорил, что коррекцию курса надо проводить после каждого наблюдения. А теперь не знаю. Метеорит ударил нас справа в плоскости ротации и обладал достаточной массой и скоростью для того, чтобы сбить нас с курса. Приостановить нашего вращения он не сумел, так что притяжение на корабле по-прежнему примерно около одного «же». Но удар пришелся прямо по центру, и корабль начал отклоняться от курса...

Дон со вздохом возвратил ему расчеты.

— Вам следует говорить проще, Бойд, если хотите, чтобы я вас понял.

— Хорошо, — сказал оператор без тени улыбки. — Итак, главная ось двигателя пролегает точно по курсу. По крайней мере, так было раньше. Теперь же, после удара, корабль начнет рыскать, понимаете? тыкаться носом из стороны в сторону. Пока это продолжается, скорректировать курс мы не в состоянии. Но если мы этого не сделаем, то проскочим мимо Марса и потеряем его. Навеки.

Дон кивнул. Теперь до него дошло. Что-то необходимо было предпринять — и немедленно! — он же был единственным, от кого зависело сделать это. На Хольца не было никакой надежды, как впрочем, и на кого бы то ни было из обитателей «Кеплера».

— Ладно, Бойд, — ответил он. — Я позабочусь об этом. Но в таком случае, вам не следовало бы называть меня «доком».

— Да, сэр! — оператор вытянулся перед ним, отдавая честь. — Я понял вас, капитан.

— Вы посылали за мной, сэр?

Дон взглянул на унтер-офицера Курикку, стоявшего на пороге кают-компаний, и пригласил его войти.

— Прошу вас... Через полчаса я хочу собрать экипаж, но хотел бы побеседовать с вами до этого. Пожалуй, кроме вас никто не в состоянии ответить на мои вопросы относительно нашего корабля..

Дон указал на модель корабля, стоявшую перед ними на столе.

— По-моему, вы служите на «Кеплере» со дня его постройки?

— Даже больше, сэр. Я состоял в бригаде монтажников, которая собирала Большого Джо на орбите. С того времени я был направлен на космическую службу и оставлен на борту.

Белокурые волосы и синие глаза скрывали возраст этого высокого финна.

— Что ж, это лучше, чем я ожидал, — сказ Дон. — Может, тогда вы мне и объясните, чем так напуганы наши электронщики?

Кивнув, Курикка бережно отделил модель от подставки.

— Перед началом работ нам объясняли конструкцию Большого Джо, и это было лучшим объяснением, какое мне только доводилось слышать. Грубо говоря, представьте себе гигантский басовый барабан, к которому газовой трубой подведен мяч.

— Вы правы, однажды услышав такое идиотское объяснение, уже не забудешь.

— Газовая труба проходит сквозь доньшко «барабана». В «мяче» находятся атомный реактор и двигатели. Вместе крепления «мяча» находится радиационная защита, а все остальное — в барабане. После выхода на орбиту весь корабль начинает бешено вращаться вокруг своей оси-«трубы». потому-то она и именуется «центральной».

— Теперь понятно, — сказал Дон, щелкнув пальцем по модели, — барабан вращается достаточно быстро для того, чтобы центробежная сила создавала эквивалент земного притяжения на палубе «А». Сейчас у нас под ногами наружная обшивка корабля. Когда мы поднимаемся наверх, то идем к центру вращения показываемся на палубе «Б». Ну и далее — палуба «В», используемая лишь для хранения багажа. При этом внутренняя часть «барабана» открыта космосу, не так ли?

— В общих чертах, сэр, — на лице Курикки появилось смутное

подобие улыбки, но в целом оно оставалось бесстрастным.

Дон крутанул корпус модели, так что «барабан» завертелся, и поднес модель к висящей над столом лампе.

— Вот так мы все время вертимся и летим к Марсу. Туда же глядит и обсерватория, находящаяся на другой стороне «барабана».

Слушая его, Дон повернул модель и осмотрел другой борт.

— Ну что же, летим мы, летим, вращаемся, точно ужаленные в ягодицы кретины, а толку-то?..

— Ось вращения, — указал унтер-офицер, должна совпадать с нашим курсом. В таком случае носовые и кормовые двигатели могли бы вовремя скорректировать ошибку. Но теперь это невозможно.

— Почему?

— Да потому что удар метеорита изменил ось вращения. Мы сошли с верной орбиты и все дальше отклоняемся от нее. Мы не в силах провести коррекцию курса, пока не вернемся на правильную орбиту; Это значит, что мы так и будем продолжать уноситься в космическую бездну.

— А по сему, если мы не примем меры незамедлительно, то непременно проскочим мимо Марса?

Куричка утвердительно кивнул и скорчил жалобную рожу. Наступившее молчание нарушил легкий стук в дверь. Вошел Бойд.

— Господа, со времени нашего старта минуло добрых 300 часов, — незатейливо пробормотал он. — Со мной пришел Парсер, а Хольц просил передать, что скоро подойдет.

— Входите, начнем без него.

Вместе с ними в кают-компании появился мужчина, которого Дон до той поры не видел. Меднокожий, с ястребиными чертами лица и прямыми волосами, он носил длинные, слегка позеленевшие непонятно от чего и свисающие к низу тоненькие импозантные усики. Вероятно это был один из пассажиров, но что он тут делал без приглашения?

Опередив естественный вопрос, вперед вышел стюард Парсер. Это был средних лет швейцарец с дико оттопыренными ушами. Он учился когда-то на управляющего отелем.

И даже спустя многие годы, проведенные в космосе, на нем сохранился отпечаток прежней непыльной работенки. Указав на мужчину, и сотворив нечто вроде реверанса, Парсер сказал:

— О-о-о! Надеюсь, сударь, вы извините мою персону за то, что я прихватил с собой этого замечательного человека от общения с которым вы вряд ли откажетесь. Это сам доктор Учальде из университета в Мехико, один из знаменитейших математиков мира. Я подумал, что в связи с

гибелью офицеров, он мог бы оказать нам немалые услуги, благодаря своему исключительному таланту и всезнайству.

Конечно было бы глупо на это сердиться. Разумеется, Парсеру не стоило самостоятельно принимать такое решение. Впрочем, строго говоря, и сам Дон имел не так уж много прав на капитанский гонор. Они были квиты.

— Как же, как же, — пролепетал Дон, — прекрасная мысль, я и сам должен был до этого додуматься. Именно математика нам сейчас не хватает.

— Но не ждите от меня слишком многого, — заговорил Учальде, показывая дулю и кривляясь. — Между возвышенной абстракцией математических символов и реальным полетом космического корабля лежит пропасть. К тому же, у меня совершенно нет опыта. Да и вообще... спать хочется...

— Всем нам хочется спать, — перебил его Дон, — и ни у кого из нас нет достаточного опыта. В такой ситуации мы можем рассчитывать лишь на собственные силенки и на вашу помощь, доктор. Однако офицеры погибли. И вы должны понимать, в каком бедственном положении мы очутились.

— Слово чести, господа! — объявил Учальде, при этом он сотворил такую позу, словно проглотил лом, и приставил руку к сердцу. — Мои благороднейшие бабушки и дедушки сражались за свободу нашей отчизны и многие при этом отбросили копыта. Я со всей готовностью последую их примеру.

Дон не уловил, какая все-таки связь существует между героическими подвигами Учальдовых бабушек и дедушек, и нынешней катастрофической ситуацией. Тем не менее он, одобрительно кивнул доктору и предложил всем сесть. Затем ввел присутствующих в курс возникшей проблемы и объяснил все трудности в связи с гибелью астронавтов.

— Такова, в общих чертах, сложившаяся картина, — заключил он. — Бойд, каким образом вы производили коррекцию курса корабля?

Оператор закусил губу и нервно оглянулся.

— Как правило, астронавигатор давал мне готовые данные для ввода в компьютер. Оставалось лишь набрать их... Правда, в сложных ситуациях мы обращались за помощью на станцию Марс — Центральная... Там более совершенные компьютеры и великолепные математики.

Неожиданно его озарила идея:

— Скажите, а разве сейчас мы не сможем этого сделать? Я попробую связаться с Марсом по радио...

Дон безрадостно покачал головой.

— Нет, не сможете. Мне бы очень не хотелось, чтобы это вышло за пределы кают-компаний, но вы должны знать — наш главный передатчик разрушен. Радист пытается восстановить его, но как долго он с этим провозится и какой будет его мощность после ремонта. Так что в настоящее время о существовании радио придется позабыть.

Повернувшись к математику, Дон спросил:

— А вы не поможете нам в решении этой проблемы?

Заложив руки за спину, Учальде заходил по комнате, попеременно подпрыгивая то на одной, то на другой ноге. Вероятно так ему лучше думалось.

— Да нет, это совершенно невозможно, — наконец заключил он, — Астронавигация — прикладная наука и она бесконечно далека от теоретической математики. Я ничего не смыслю в небесной механике, в ее силах и измерениях. Хотя, в сущности, все это не больше, чем задача «о трех телах», но...

— Как вы думаете, смогли бы вы, поговорив с Бойдом и просмотрев бортжурнал, где отмечались данные прежних коррекций, дать нам какой-нибудь совет?

— Постараюсь. Но ничего пока больше обещать вам не стану.

— Прекрасно. Сообщите мне позже о своих выводах. — Дон заглянул в лежащий перед ним листок бумаги. — Кроме этой, перед нами возникла ещё одна, не менее серьезная проблема. Во время аварии было потеряно огромное количество воды...

— Неужели все мы подохнем от жажды? — воскликнул Учальде, вскочив на ноги. Возможно, сейчас ему вспомнились пустыни родимой Мексики.

— Не думаю, доктор, — с легкой улыбкой возразил Дон. — Не в этом заключена проблема. Суть в другом. Наш корабль является замкнутой системой, где вода постоянно циркулирует. Но вода эта выполняет вспомогательные функции. Она циркулирует в двойной обшивке и служит антирадиационным барьером, защищающим нас, как озон сохраняет Землю от солнечной радиации во время полета. Но сейчас период спокойного солнца, поэтому мы можем не волноваться на этот счет. Вода является одной из важнейших составляющих в системе регенерации Большого Джо. В этой воде живут простейшие водоросли, которые перекачиваются по наружным панелям обшивки. Они поглощают выдыхаемую нами двуокись углерода и превращают ее в кислород. Огромное количество этих растений погибло, а быстро восстановить их невозможно.

— Что же нам делать? — спросил Парсер.

— Перестать дышать мы не можем, — ответил Дон, — но вполне способны прекратить горение, которое также переводит массу кислорода. Я знаю, что кое-кто из пассажиров и членов команды курит. Эта вредящая привычка вновь овладела человечеством, после изобретения противораковой вакцины. Я приказываю конфисковать все сигареты, трубки, зажигалки, спички и прочее. Вы мне в этом поможете?

Парсер утвердительно кивнул и сказал:

— Мне понадобится пара помощников, тогда, я думаю, справлюсь.

— Теперь надо решить вопрос о похоронах погибших. В сейфе обнаружено завещание капитана Кардида, где он просит, в случае его смерти, похоронить его в открытом космосе, остальные тела надо будет перенести в один из разгерметизированных до прибытия на Марс.

Внезапно зазвонил телефон. Дон взял трубку. Выслушав сообщение он сделался мрачнее грозовой тучи.

— Это очень важно для всех нас, — тихо сказал он. — Звонил радист. Он сумел собрать передатчик и сейчас пытается связаться с Марсом. Ответный сигнал он уловил, слабый, но довольно стабильный. Его записали. Сигнал повторяет наши позывные и короткое сообщение. Снова и снова считывается слово «опасность» и кодовое обозначение «солнечная пятно»...

— Это не код, — сказал, входя инженер Хольц. — Именно поэтому я и пришел. Мои приборы показывают, что надвигается солнечная буря... — Помолчав, он передернул плечами и заключил. — Можете считать себя трупами!

— Это ещё не повод для паники! Такого мы себе позволить не можем! — воскликнул Дон, стараясь перекрыть громкие возгласы присутствующих. — Я требую полной тишины!

Опытные астронавты привыкли к приказам и послушны командам. Доктор Учальде смолк столь же покорно, как; и прочие. Стоявший в дверях Хольц раскрыл было рот, собираясь что-то возразить, но Дон в ярости указал на него пальцем и заорал:

— Первый инженер!! Не распускайте тут сопли! Закройте за собой дверь и сядьте. А потом доложите мне, как положено. И если можно, без истерики.

Дон был умышленно груб с пожилым человеком, но он не мог позволить Хольцу заразить паникой весь экипаж.

Какое-то мгновение Хольц колебался, потом плечи его поникли, он прикрыл за собой дверь, тихо прошел и сел в ближайшее кресло. В его голосе слышалась полная безнадежность.

— К чему борьба? Я-то думал, что это будет мой последний полет, но он... оказался последним для всех нас...

— Ну и что же такое показывают ваши приборы? — перебил его Дон.

— Солнечная радиация... Она нарастает... Фон стремительно повышается. Я знаю, что это значит. «Солнечное пятно» — предупреждение о радиационной буре, и мы не в силах ее избежать...

— Почему вы так полагаете? — осведомился Парсерс. — До сих пор мы ведь без труда выдерживали все бури. Почему же теперь?..

— Можно, я отвечу? — спросил Курикка. Дон кивнул.

— Главная сложность в том, что мы потеряли слишком много воды. Ее циркуляция в двойной обшивке задерживала большинство радиоактивных частиц, приносимых солнечными бурями, примерно также, как это делает атмосфера Земли. Однако половинный запас воды уже не в состоянии нас защитить. Если Марс предупреждает нас, то буря ожидается довольно сильная, гораздо сильнее предыдущих. Это значит, что и с радиацией нам будет справиться труднее...

— Но мы справимся с ней! — перебил его Дон. — Вы принимали какие-нибудь специальные меры перед сильными бурями?

— Конечно, сэр. Мы изменяем положение корабля так, чтобы реактор был направлен в сторону солнца. Таким образом, на него приходится

большая доля частиц, и он защищает собой машинное отделение. Пока корабль так ориентирован, этой защиты вполне хватает.

— А хватит ли у нас воды, чтобы мы могли повторить этот трюк? — спросил Дон.

— Нет, сэр.

— Но ведь машинное отделение все-таки будет защищено?

— Да, разумеется.

Дон улыбнулся и сделал вывод:

— Таким образом, половина проблемы решена, на время опасности поместим пассажиров и экипаж в машинное отделение. Распорядитесь на счет этого, Парсер. Но сперва надо попытаться изменить курс. И сделать это надо по-возможности быстрее, времени у нас нет.

Что у вас, Бойд?

— У нас бывали случаи искажения радиосигналов во время предыдущих солнечных вспышек, и компьютер способен обработать их. Записей у нас хранится множество, поскольку сообщения повторялись не один раз. Машина способна собрать воедино разрозненные куски.

— Уже неплохо, — ответил Дон. — Тогда займитесь этими записями.

— Есть, сэр! — сказал Бойд и направился к дверям, едва сдерживаясь, чтобы не побежать.

Каждому выпал свой участок работы и, получив инструкции, один за другим все разошлись. Дон остался один. Вопрос сна отпадал. Для этого найдется достаточно времени, если удастся избежать главной опасности. Он вышел в коридор и направился к главному лифту, сообщив попутно вахтенному, где его можно будет найти. Именно сейчас ему захотелось побывать в обсерватории.

Лифт поднял Дона к наружной части обшивки, к трубе, соединяющей две секции лайнера. Когда двери кабины бесшумно растворились, Дон взялся за поручни и, оттолкнувшись, плавно взлетел в воздух, направившись к жерлу обширной трубы. Ввиду того, что при неработающем двигателе корабль находился в состоянии свободного полета, тяготение отсутствовало. Вращение корпуса создавало центробежную силу в районе внешней палубы, но здесь, в центре корабля эта сила была практически сведена к нулю. Дон просто плавал в воздухе, как рыба в воде. Дотянувшись до кнопки, он открыл дверь и нырнул в обсерваторию.

Целые реки, водопады звёзд проплывали перед ним. Вдали, в глубоком вакууме сияли мириады солнц различного цвета и светимости. Во тьме космоса стеклянная оболочка обсерватории была незаметной, так что

поневоле казалось, что ты — живая частица бесконечной Вселенной.

Чуть правее как всегда полыхало Солнце. Хольц был прав: уровень радиации возрастал.

В неземной тиши обсерватории звонок телефона прозвучал необычно громко.

— Капитан слушает.

— Это из отсека управления, сэр. Компьютер обработал запись радиограммы с Марса. Теперь у нас имеется полная информация. Будете слушать?

— Да, конечно!

— Ожидаемая сила — восемь баллов по шкале Хойла. Максимально возможная отметка на этой шкале — десять баллов, но я никогда не слышал о бурях, превышающих шестибальную отметку. Все это начнется, сэр, часа через полтора.

— Отлично, просто замечательно. Через девяносто минут мы откинем копыта! Разыщите-ка мне доктора Учальде и пусть он вместе с унтер-офицером Куриккой явится ко мне.

Дон молнией вылетел из обсерватории...

У дверей своей рубки он столкнулся с донельзя возмущенным математиком.

— Как это понять?..

— Наше время истекло, доктор, — прервал его Дон. — Буря грянет через полтора часа.

Смертельно побледнев, доктор Учальде рухнул в кресло.

— Это — конец... конец... конец... То есть, я хотел сказать, что время упущено.

— Не думаю! — отрезал Дон. — Мы вручную произведем маневр. Чем отличается наш корабль от обычного самолета или вертолета? Думаю, только формой и тем, что движется в вакууме. Пока не настал век кибернетики, первые астронавты управляли свои корабли вручную. Что мешает нам поступить точно так же? — Увидев вошедшего Курикку, Дон быстро спросил: — Скажите, что требуется сделать, чтобы изменить положение корабля относительно оси вращения?

— Эти операции выполняет, как правило, компьютер, после того, как астронавигатор введет в него нужные данные.

— А разве ручного устройства нет?

— Да есть, конечно, но на моей памяти им никто не пользовался!

— Курикка, помогите мне разобраться, как происходит смена курса.

С видимой неохотой унтер подошел к панели и включил экран

наружного обзора.

— У нас имеются две телекамеры: на носу и на корме. Сейчас работает носовая. До двум направляющим, расположенным вокруг сферы реактора движется небольшая ракета в направлении, обратном нашему вращению. Благодаря этому, ей стоит придать требуемое ускорение, и весь корабль начнет рыскать по курсу до тех пор, пока не займет нужного положения.

Бросив взгляд на часы, Дон ужаснулся насколько же ничтожно мало времени осталось в их распоряжении. Решение пришло само собой. Он повернулся к Учальде.

— Теперь вы в курсе проблемы. Сейчас Солнце отстоит в 180 градусах от нужного нам положения. Мы можем придать ракете какое-то ускорение и таким образом заставим корабль сойти с курса. Значит, когда Солнце появится в центре экрана кормовой телекамеры, мы можем быть уверены, что корабль занял нужную позицию. Таким образом, между нами и солнечным излучением окажется ядерный реактор. Как вы думаете, это у нас получится?

Учальде набросал в блокноте несколько уравнений и буркнул:

— Когда мы запустим ракету, то, чтобы остановить рыскание корабля ее ускорение должно быть в точности равно первоначальному ускорению для того, чтобы...

— Прошу вас без деталей, доктор! Я тупица! Скажите только, сработает это или нет?

— Конечно! Так же работает и ваш компьютер, только немного точнее. Стукнув кулаком о ладонь, Дон радостно заключил:

— Плевать! Точнее или нет — сейчас все равно! Я уверен, что вы и Курикка провернете это дело в два счета.

Вновь посмотрев на часы он чуть было не застонал: до начала бури оставалось менее сорока пяти минут. В это время встревоженный вахтенный протянул ему телефон:

— Вас просит стюард Парсер, сэр.

— У нас тут вышло небольшое осложнение с пассажирами, — сказал стюард. — Я очень просил бы вас подойти и побеседовать с ними.

— Пошли они все к дьяволу в пасть! Я занят. Зайду в машинное отделение, как только освобожусь.

— Капитан, они не хотят идти в машинное отделение, а устроили собрание в Главной гостиной. И заявили, что не тронутся с места, пока не поговорят с капитаном или его заместителем.

— Но разве они не знают, что капитан и все офицеры...

— Пока нет, сэр. Мне не хотелось сеять панику. Наверное, будет

лучше, если вы сами объяснитесь с ними.

— Я иду, — сказал Дон, поднимаясь с кресла.

— Минуточку, капитан, — окликнул его Учальде. — Мы упустили из виду одну важную деталь.

— Ну, что еще? — спросил недовольно Дон.

— Сами посмотрите, — сказал с волнением Учальде, — в теории-то все просто, но на практике управлять такой громадиной... Мы не в силах будем точно произвести коррекцию курса с такой огромной массой. Кто-то должен будет остаться здесь и постоянно производить коррекцию.

— Как же долго будет продолжаться это безобразие? — осведомился Дон.

— Несколько часов, не меньше...

Это значило, что кто-то должен остаться тут на время бури. Этот человек обречет себя на смерть.

— Я понимаю, — сказал Дон, — кто-то погибнет во имя того, чтобы спаслись остальные. Но... скажите мне, разве эта смерть не прекрасна?

Опять сверившись с часами, он убедился, что им осталось меньше получаса. Теперь уж действительно можно считать себя трупам.

— Вы правы. Кто-то должен будет принести себя в жертву ради жизни других, — произнёс Учальде, поднявшись с кресла и расправляя плечи. — И почему бы не мне? Я с радостью приму на себя управление кораблём. Всех же остальных прошу пройти в машинное отделение.

Гордо выпятив подбородок, он важно скрестил руки на груди. Возможно, кому-то Поза щуплого и низкорослого математика показалась бы комичной, но сейчас никто так не считал. Учальде отвечал за свои слова и был готов без промедления отдать свою жизнь за будущее малознакомых ему попутчиков.

— Не уверен, что дойдет до этого, доктор, — мягко сказал Дон. — Думаю, мы отыщем выход...

— Интересно узнать, какой, капитан?

И в самом деле, где искать выход из совершенно безнадёжного положения? На какое-то мгновение Дона охватило отчаяние. Но какой-то путь к спасению должен был найтись! И уж кто как не команда должна знать свой корабль? Он просто обязан заставить их думать!

— Но ведь у нас должны иметься скафандры с повышенной антирадиационной защитой? — полуутвердительно осведомился он.

— Ни единого шанса, сэр, — возразил Куриikka, отрицательно качнув головой. — Эти скафандры годятся лишь для незначительных доз радиации. При шестибальной буре, которую мы ожидаем, проку от них будет не больше, чем от салфетки.

— Выход должен быть! — воскликнул Дон, пересиливая собственные страх и отчаяние. — Что, если попробовать управлять кораблём дистанционно, из машинного отделения?

— Да, возможно, будь у нас побольше времени, попробовать и этот вариант. Но для этого потребуются протянуть туда несколько кабелей и...

— Тогда попробуем что-нибудь еще... — Оглядевшись, Дон обратил внимание на дверь в конце отсека. Насколько он помнил, там располагалась маленькая душевая для пилотов.

— А если управлять отсюда? — спросил он, распахнув дверь. — Тут ведь всего лишь несколько метров от пульта, провода дотянутся. Ну, и добавим какую-нибудь защиту от радиации, например, свинцовые пластины.

Решение пришло неожиданно. Повернувшись к Курикке, Дон

размышлял вслух:

— В скафандре достаточно кислорода, поэтому вода ему не страшна, правильно?

— Допустим, — озадаченно произнёс Курикка, почесав заросший подбородок. — Но вообще-то вода скафандру протипоказана. Сами понимаете, ржавчина...

— Вряд ли что случится за пару часов, — бросил Дон и, видя что время стремительно уходит, заговорил приказным тоном: — Итак, сделаем вот что. Проведите приборы контроля и управления в душевую и подключите их к основной системе. Если дверь не герметична, до достаньте замазку. И не забудьте заткнуть трапы. Живо сюда скафандр с полным запасом кислорода... — И, уже идя к двери, закончил: — Пилот будет находиться в душевой, доверху заполненной водой.

— Но, сэр... — растерянно протянул вслед ему Курикка. — Это же электронные приборы! И вода... Как мы сделаем их герметичными?

— Подумайте! Хоть положите свои приборы в пластиковые мешки! Но сделать это вы обязаны... — он сверился с часами, — в течение двадцати минут. Я вернусь.

Выскочив из отсека, он помчался в сторону столовой, которая на корабле именовалась Главной гостиной. Сейчас предстояло это дурацкое разбирательство с пассажирами, а времени уже почти не оставалось. Подбежав к ближайшему телефону, он набрал код, позволявший подключиться к системе всеобщего оповещения. Затем из репродуктора над головой раздался его собственный голос, основательно искаженный помехами:

— Говорит капитан корабля. Всем членам экипажа, не занятым в отсеке управления, приказываю срочно собраться в Главной гостиной. Немедленно!

К дверям гостиной он подошел одновременно со своими подчиненными, но за порог ступил первым. Столы в гостиной были сдвинуты к углу, а перед столпившимися людьми, стоя в кресле, ораторствовал какой-то мужчина. Увидев вошедших, он замолчал. Остальные пассажиры обернулись. Приблизившись, Дон несколько растерялся и громко сказал:

— Прошу вас выслушать меня! Я — лейтенант Чейз, корабельный врач. Приношу вам свои извинения за то, что не объяснил вам ситуацию с самого начала. Обещаю сделать это позже. А сейчас прошу всех срочно пройти в машинное отделение.

— А мы не собираемся вам подчиняться! — объявил стоявший в

кресле. — Мы требуем, чтобы к нам вышел капитан и объяснил, что происходит на вверенном ему корабле?

Только теперь Дон узнал его. Еще бы, ведь это был ни кто иной, как сам знаменитый Метью Бриггс, генерал в отставке. По газетам и выпускам теленовостей весь мир был знаком с его взглядами. Он их не скрывал и всегда старался публично изложить свое мнение о мире, как бы оно резко ни отличалось от общепринятого. В другое время Дону было бы интересно поглядеть на генерала, послушать его, но сейчас... Тот буквально сверлил молодого человека гневными глазами, его коротко стриженные волосы торчком стояли на голове, словно концы размочаленного кабеля.

— Как вы знаете, произошла авария, — Сказал Дон. — Вместе с офицерами погиб и капитан Кардид. Сейчас я исполняю его обязанности. Вот и все. А теперь всех прошу пройти в машинное отделение, поскольку через двадцать минут должна будет начаться солнечная буря, и там будет единственное безопасное место на корабле.

Несколько пассажиров двинулись было к дверям, но генерал жестом остановил их и вновь привлек к себе внимание публики:

— Мне не совсем ясно, лейтенант, по какому праву вы здесь...

— Вы, двое, — Дон обернулся к двум ближайшим членам экипажа. — Отведите этого человека в машинное отделение, да поживее!

— Вы не посмеете! — выкрикнул генерал, сжав кулаки.

Схватка оказалась недолгой. Спустя мгновение яростно упирающегося Бриггса буквально вынесли из гостиной. Худощавый пышноусый мужчина сделал было шаг в сторону, но, увидев приближавшихся космонавтов, остановился. Остальные пассажиры заволновались.

— Сейчас может начаться паника... — тихо сказал Парсер.

— Знаю, — в тон ему ответил Дон. — Но у нас уже нет времени для объяснений. — Он в нерешительности огляделся. На каждого из его людей приходилось по меньшей мере десять пассажиров — силы явно неравные. — Я пойду первым, Парсер. Вы проберитесь к двери и объявите, что экипаж укажет им дорогу. Пользуйтесь обоими лифтами.

— Неплохо придумано, — одобрил стюард, но Дон уже не слышал его.

У ближнего лифта он догнал генерала и его сопровождающих.

— Вы мне за это ещё ответите! — прошипел генерал, тщетно пытаясь освободиться от стиснувших его рук.

— Сожалею, генерал, но другого выхода у меня просто не оставалось. Надеюсь, вы и сами скоро это поймете и примете мои извинения.

— Ни за что, даже не надейтесь, мистер! Вы это дело начали, а я — закончу. Слава Богу, на свете ещё существует суд и закон.

— Ваше право, — ответил Дон и ухватился за поручень, поскольку лифт притормозил. То же сделали и оба космонавта. Бриггс беспомощно повис в центре кабины.

— Помогите генералу, — распорядился Дон.

Схватив генерала, его моментально вынесли из кабины. Следом, придерживаясь за поручни, последовал Дон. Когда они подошли к дверям машинного отделения, те распахнулись, и на пороге появился Хольц.

— Пассажиры могут помешать работе персонала, — ворчливо заявил он. — А это — небезопасно для корабля...

— Да, да, конечно, я все понимаю, — как можно более дружелюбно ответил Дон, — но весь экипаж будет стараться помочь вам. Пассажиров надо будет удерживать подальше от опасных зон и пульта управления. Согласен, здесь будет несколько многолюдно да и не совсем удобно, зато все, надеюсь останутся в живых.

Вскоре стали прибывать первые пассажиры. В условиях невесомости все они были совершенно беспомощны, многих мучила тошнота. Одна пожилая женщина буквально позеленела от дурноты, и Дон подал ей пластиковый пакет.

Хотя дальняя стена у основания двигателя была занята приборными панелями, в центре помещения имелось свободное пространство. Многим не хватило места на полу, так что части пассажиров предстояло провести несколько неприятнейших часов, плавая в воздухе в подвешенном состоянии. Так что во избежание ненужных объяснений Дон предпочел удалиться.

Выпустив очередную партию пассажиров, лифт вновь устремился ввысь, и стоя в нем, Дон чувствовал, как буквально с каждым метром приобретает утраченный было вес. На некоторое время от сердца у него отлегло, главная проблема уже была решена, но оставалась ещё одна — не менее важная и сложная. Посмотрев на часы, он почувствовал, как волосы дыбом становятся на его голове: до начала бури оставалось не более тринадцати минут! Выскочив из лифта, он помчался бегом в отсек управления.

— Почти готово! — объявил Курикка, склонившись над приборами с дымящимся паяльником. Вокруг него по полу змеились провода, исчезая в отверстиях, просверленном в стальной плите стены. Припаяв последний контакт, унтер-офицер поднялся и широким жестом отворил дверь в душевую.

— Думаю, что все пойдет как по маслу, — сказал он, довольно. — Мы провели кабель и поставили контрольные приборы, запечатав их, как вы и

приказали, в пластиковые мешки. Этот монитор подсоединен к кормовой телекамере... — Они посторонились, обходя человека, накладывавшего на дверной косяк густой слой замазки. — Силиконовая шпаклевка, — пояснил Курикка. — Как только дверь закроется, комната станет абсолютно герметичной. По мере заполнения камеры водой воздух будет выходить через вентиляционные отверстия. Здесь приготовлен и скафандр. Я берусь обвить эту станцию, капитан.

— Ну что же, это хорошо. У нас остается... десять минут. Отпустите всех, кто закончил работу. Скажите, можно ли, находясь здесь, определить уровень радиации?

Вместо ответа Курикка указал на стоявший у стены дисплей, запакованный в полиэтилен.

— Внизу экрана — компьютерная распечатка. Эти цифры пониже Солнца определяют уровень радиации по шкале Хойла.

— Ага... Одна и четыре десятых, пока терпимо... Нет, смотрите, подскочило до двух!

— Это предвестие бури. Пора идти, скоро здесь будет небезопасно.

Они остались вдвоем. Последние техники, закончив работу, скрылись в спасительном машинном отделении. Осталось шесть минут.

— Помогите мне надеть костюм, Курикка. Это приказ.

— Но... — унтер-офицер был поражен.

— Никак «но»! — отрезал Дон. — Ваш практический опыт и технические познания для спасения корабля гораздо важнее моей медицины. И как командир полета, я вам приказываю.

Не тратя времени на дальнейшие споры, Курикка помог Дону надеть скафандр и загерметизировать его. Крепко пожал его руку, Дон глянул на часы и буквально вытолкнул финна за дверь. Осталось лишь две минуты! Сухо щелкнул замок, Дон остался один.

Удостоверившись, что трапы заткнуты, он до отказа вывернул краны ванны и душа. Быстро поднявшись до краев ванны, вода полилась на пол. Дон обернулся к монитору. Солнце несколько сместилось от перекрестья в центре, и он, включив двигатель ракеты, вернул корабль в прежнее положение.

На шкале внизу экрана значилось 2,8.

Шторм набирал силу.

Солнце вновь сместилось вправо, и Дон машинально скорректировал курс. На экране Солнце казалось крохотным и невпечатляющим светящимся шариком. До него было более ста миллионов миль. Но буря уже была рядом. Она выплескивалась в вакуум сгустками раскаленного до

шести миллионов градусов газа. Эта температура была слишком велика. Настолько велика, что не поддавалась осмыслению. Но в реальность приходилось верить. Первым предвестием шторма была резкая вспышка рентгеновского и радиоизлучения, которая уже через восемь минут достигла Земли. Она как бы предупреждала, что раскаленная плазма уже в пути. Минутой позже шторм выбросил поток быстрых протонов, предвестников грядущего неистовства. Затем, несколькими минутами позже придет время тяжелых протонов, уничтожающих все на своем пути. Все, что могло рождаться и умирать...

Когда потребовалась очередная коррекция, радиация продолжала нарастать, а уровень воды уже достиг щиколоток Дона. Но этого было явно недостаточно. Теперь на шкале значилось 3,2. Стальная броня корабля пока ещё защищала его, но уже очень незначительно. Он вспомнил о других, затаившихся сейчас в машинном отделении. Снаружи, на гермошлеме имелась кнопка с надписью «радио». Он нажал ее, но в наушниках царила тишина. Разумеется, маломощная рация скафандра не могла пробиться за пределы душевой, стальные переборки наглухо блокировали сигналы. В последние минуты в спешке никто и не подумал о телефонной связи. Он остался один, совершенно один...

Вода поднялась до колен, и цифры на экране стали блекнуть и расплываться — 3,9... 4,2... 5,5... Яростный шторм бушевал над его головой!

Дон положил на пол панель управления и манипулировал ею, опустив лицо в воду. Как ним пытался он опуститься на дно, воздух в скафандре выталкивал его на поверхность. Он обязан был защитить голову, иначе излучение убьет его. Он уже не видел экрана, но почувствовал, что корабль вновь начинает рыскать. Спрятаться? Затаиться? Но что тогда будет с остальными? Сколько они продержатся без него? По словам Курилки, отклонение на десять, даже на пятнадцать градусов не будет смертельным. Это значило, что он вправе позволить Солнцу сместиться почти к самому краю экрана. Но сколько это займет времени? Этого он знать не мог, но предполагал, что очень немного. Что он мог и что должен был делать?

Вода поднялась достаточно для того; чтобы он смог свернуться в клубок и принять полусидячее положение. Вода колыхалась над ним, размазывая на экране мутное изображение. Деталей различить было невозможно, хотя монитор находился рядом.

Но он обязан был смотреть, пусть даже это будет самоубийством... Хотя можно высунуть из воды не весь шлем, а лишь часть его... По стеклу шлема потекла тончайшая пленка спасительной жидкости... Осторожно!...

Вода сбегала вниз, и Дон увидел экран.

Солнце проделало уже более половины пути до края экрана. На шкале Хойла горели цифры 8,7.

Он вновь погрузился как можно ниже, и воды душевой сомкнулись над его головой. О столь неистовой буре ещё никто и никогда не слышал. Когда он вновь вынырнул, на шкале значилось 9,3, а Солнце сместилось уже к самому краю экрана. В воде, под ногами плавали два пластиковых пакета с панелями управления. Дон бережно поймал их, расправил провода и, сверяясь с монитором, скорректировал курс.

— Мы победили! — воскликнул он. Но голос гулко прозвучал в гермошлеме, лишний раз напомнив о полном его одиночестве. Больше он не пытался говорить. Опасность, похоже, отступила, и Дон почувствовал себя смертельно уставшим. Но засыпать ни в коем случае было нельзя. Пусть даже здесь, в воде он в безопасности, но другие... Он не мог не думать о них.

Тем временем вода поднималась все выше, достигла потолка и уже начала просачиваться в вентиляционные отверстия. Можно было закрыть краны. Настало время ожидания. А глаза сожмурились сами, будто в них бросили горсть песка...

Спустя некоторое время он очнулся и вдруг с ужасом понял, что заснул. Но на сколько? Солнечный диск уже коснулся края экрана и стремительно уходил за его пределы. Трясущимися руками Дон выправил положение непокорного светила. Счетчик показывал 8,7. Уже ниже максимума, но все ещё смертельно.

Сколько же ещё продлится буря? С начала ее, похоже, прошла уже целая вечность. Впервые в голову пришла мысль о запасах кислорода. Тип скафандра был ему незнаком, так что Дону пришлось потратить довольно много времени, прежде, чем удалось разыскать нужную кнопку. Он нажал ее, и прямо перед глазами вспыхнули светящиеся цифры указателя запасов воздуха. Баллон был пуст на три четверти.

Теперь уже было не до сна.

Уровень радиации падал. Но запасы кислорода таяли ещё быстрее. Теперь Дон старался делать вдохи как можно реже и почти не двигался. Это позволяло несколько сэкономить воздух. Но указатель стремительно полз к нулевой отметке. Дон знал, что даже если она достигнет нуля, то у него ещё останется небольшой запас. Ну а дальше? Не избрать ли себе более быстрый способ смерти? Что предпочесть? Удушье или облучение?

Самое противное, что симптомы кислородного голодания почти незаметны. Вначале жертва просто теряет сознание. Затем — погибает. У

Дона появились слуховые галлюцинации!

7,6. Стоило бы определить, на сколько времени осталось кислорода и в последний момент открыть сливные трапы...

6.3. Уже скоро. Стрелка подошла к нулю. Время пошло... Но сколько? Как долго все это будет длиться, длиться, длит...

5.4. Пора выпускать воду... воду... воду...

Рукоять управления выскользнула из ослабевших пальцев, и Дон, лишившись чувств, медленно поплыл вглубь темного тоннеля смерти...

— Ну, как он, шевелится? — спросил кто-то.

— Думаю, да, — ответил другой. — Он скоро очнется. Дон, чувствовал, что голоса ему знакомы, но пока не в силах был открыть глаза. Наконец до сознания дошло, что разговор ведется именно о нем. Невероятным усилием воли он заставил себя открыть глаза.

Он лежал на койке собственного лазарета, точнее, в его кислородной камере. Над плексигласовым окошком склонились встревоженные лица Хольца и Рама Кусума.

— Наконец-то и ты заполучил своего пациента, Рама, — сказал Дон и пораился слабости собственного голоса. Да и что он вообще тут делает? неожиданно воспоминания нахлынули на него, он попытался встать. — Что случилось? Я должен быть.

— Будьте благоразумны, сэр, — сказал Рама, осторожно укладывая его на подушку. — Все хорошо. Мы установили в машинном отделении датчики и, как только уровень радиации снизился, надели антирадиационные скафандры и — к вам. Но к вам мы добирались чуть ли не вплавь, с трудом вытащили вас из скафандра. Вначале вы немного похандрили, но теперь, насколько мне подсказывает диагностический аппарат, вы себя должны чувствовать неплохо.

Дон слушал его, с трудом понимая смысл слов, мысли его путались.

— Но что заставило вас пойти за мной? — спросил он. — Откуда вы узнали, что мне плохо?

— Картинка с кормовой телекамеры транслировалась на экран в машинном отделении. Вначале нам пришлось пережить несколько неприятных минут, когда нам показалось, что вы не справляетесь с управлением. Но вскоре вы сами все исправили. Затем, когда буря уже пошла на убыль, мы увидели, что Солнце начало уж слишком сползать к краю экрана, тогда то мы и поняли, что с вами что-то не так и побежали на помощь. — Рама улыбнулся. — Так что теперь, как видите, все в полном порядке.

И тут, будто в насмешку над этими словами из радиотранслятора послышался вой сирены, а над головами тревожно замигала красная лампа.

— ВНИМАНИЕ, ПОЖАРНАЯ ТРЕВОГА... — объявил бесстрастный голос компьютера. — ПОЖАР В ОТСЕКЕ 64-А.

Дон попытался было сесть на койке, но оказался слишком слаб для

этого. Однако на новую опасность надо было как-то отреагировать. Хотя бы для того, чтобы не уронить авторитет.

— Хольц, посмотрите, что там стряслось и доложите мне. Рама, отправляйся вместе с ним и прихвати с собой комплект медицинского снаряжения на случай, если имеются пострадавшие. Но если это что-то с двигателями...

Уже в дверях Хольц фыркнул и желчно заметил:

— Где угодно, только не у меня. Насколько мне известно, 64-А — это пассажирская каюта.

Дон слишком устал для того, чтобы вынести ещё и это, он знал, что иного выхода у него нет. Собрав все силы, он наконец-то сел, отключил подачу кислорода и некоторое время провел в неподвижности.

Итак, пожар... Запасы кислорода на корабле и без того были на исходе, приходилось помнить также и о возвращении на нужную орбиту, что в суматохе совсем упустил из виду. Если в дальнейшем они не произведут коррекции курса, будет слишком поздно, и о встрече с Марсом можно будет не думать. Их примет в свои объятия безбрежный океан Космоса...

Засигналил видеофон. Дон нажал клавишу ответа, поморщившись от боли.

— Капитан слушает, — машинально ответил он, уже не смущаясь как раньше незаконно присвоенного титула.

С экрана на него глядел Куриikka.

— Капитан, инженер Хольц у вас? Только что объявил пожарную тревогу...

— Да, знаю. Он занялся этим. А вы где сейчас?

— В отсеке управления, сэр. Временно принял на себя пилотирование. Нам сообщили о проникновении дыма на палубу А. Мы даже не знаем, распространился ли пожар дальше или это всего лишь дым из загоревшейся каюты попал в вентиляцию. Прошу вашего разрешения перекрыть палубу А и очистить ее.

— Разрешаю. Сообщите мне, как только положение прояснится.

Отключив видеофон, Дон медленно поднялся. Преодолевая дурноту, он подошел к двери, с трудом взялся за ручку и немного постоял прежде чем повернуть ее. Дверь лазарета выходила в его кабинет. Аптечка стояла у противоположной стены. В ней имелись лекарства, которые в мгновение ока могли вернуть ему утраченные силы. Он не любил пользоваться ими, зная, что это ещё даст знать о себе позднее. И тогда на него появится гораздо больший упадок сил, нежели теперешний. Однако что, кроме этого, ему оставалось? Набрав в шприц жидкость из прозрачной ампулы, Дон

ввел ее в свою вену. Уже закрывая за собой дверь, он услышал ещё один звонок.

Это вновь был Курикка. Вид у него был подавленный.

— Вентиляцию мы перекрыли, а палубу задраили. Пассажиры эвакуированы. Я послал на подмогу ещё несколько человек, но... Не смогли бы вы сами прийти сюда? Здесь нужен врач.

— В чем дело?

— Смахивает на отравление угарным газом.

— Иду.

Эффект лекарства был очевиден: несмотря на головную боль, Дон уже был способен передвигаться. И хоть в комплекте «первой помощи», которой взял с собой Рама, имелся баллон с кислородом, его могло хватить. Дон снял со стены висевшую кислородную маску с ещё одним баллоном и вышел.

Герметически задраенные двери палубы А при его появлении растворились и, пропустив его, сомкнулись за спиной. Следующее помещение было окутано плотной, клубящейся завесой дыма. Перед каютой 64 лежал человек, над которым склонился Рама, прижимая к его лицу кислородную маску. Лицо и руки индийца были покрыты копотью. Подойдя ближе, Дон узнал в пострадавшем Хольца.

— Нам... пришлось взломать дверь... — прохрипел Рама, борясь с приступами кашля. — Там черным-черно от дыма... Я думал, там есть кто-нибудь...

— Помолчите! — прикрикнул на него Дон. — Ваш баллон пустой. Хольца надобно вытащить отсюда.

Он был явно напуган. Прижав к лицу Хольца свою кислородную маску, он нажал пальцем на его глазное яблоко. Никакой реакции. Плохо. Нащупывая пульс, он другой рукой нашарил в аптечке шприц и сделал Хольцу укол в шею. Наблюдая за его действиями, Рама стянул с себя кислородную маску и сказал:

— Вы сделали ему инъекцию алкавервира. Это ведь сердечно-сосудистый стимулятор. Значит у него... не отравление?

— Вот именно. Это — инфаркт. Мало кто знал о его болезни. Вот почему это был его последний рейс.

— А сейчас он как?

— Ничего хорошего. Больше того, это — худшее, что могло с ним случиться. Кто-нибудь ещё остался в отсеке?

— Нёт. Мы там никого не нашли. Да тут ещё этот дым... В дверях показался один из пожарных с огнетушителем в руках. В стволе ещё

шипела и пузырилась пена.

— Все в порядке, сэр. Пожар потушен.

Дон осмотрел остатки каюты. Стены ее обгорели и были покрыты сажей, кругом громоздились хлопья пены, на полу высилась груда обгорелого мусора.

— Как это могло случиться? Меня уверяли, что эти корабли практически негорючи.

— Все верно, но кто может поручиться за багаж? А тут сгорело два чемодана со всем своим содержимым.

— Как, по-вашему, что послужило тому причиной?

Вместо ответа техник разжал ладонь. В ней лежала распечатанная пачка сигарет.

— Мне не хотелось бы делать никаких выводов, капитан, но я нашёл это на столе.

Некоторое время дон молча смотрел на сигареты, затем, скрипнув зубами, сказал:

— Отнесите это унтер-офицеру Курикке и расскажите обо всем, что здесь произошло. Но сперва свяжитесь с ним и передайте, что я просил прислать сюда двух человек с носилками.

— Доктор!! — заорал Рама. — Скорее сюда!! Помогите, кажется, пульс стал слабее!!..

Глянув на Хольца, Дон окликнул пожарного:

— Погодите! Идите Сюда! Помогите нам отнести его в лазарет!!

Инженер Хольц был уже далеко не молод, и болезнь продолжалась у него несколько лет. Даже теперешний приступ, на первый взгляд, поддавался лечению, но на корабле отсутствовала стационарная медицинская аппаратура, которой располагал любой земной госпиталь. Главное же, отсутствовал крайне необходимый в таких случаях аппарат «сердце-легкие». Не имелось, естественно, и бригады хирургов на случай вынужденной срочной пересадки сердца. Но Дон сделал все, что было в его силах, несмотря на все протесты, порядком отравившийся дымом Рама был отправлен в постель. Теперь все четыре койки маленького госпиталя были заняты. Двумя часами позже Дон связался с отсеком управления, ожидая доклада. Пора было расставаться с должностью врача и вновь принимать на себя командование этой треклятой посудиною.

— Все сделано, — доложил Курикка. — За исключением шестьдесят четвертого, никаких следов огня.

— А как с кислородом?

— Его содержание упало, но не намного. И ещё одно. Я исследовал

место происшествия и думаю, что пожар произошел из-за непогашенной сигареты. Она выпала из пепельницы и упала на вещи.

Немного подумав, Дон спросил:

— На нашем корабле есть карцер?

Курикка на мгновение оторопел, но ответил четко:

— Смотря что так называть, сэр. Можно запереть отсек 84-Б, изнутри его не откроешь. Его, кстати, и раньше уже использовали в этом качестве.

— Прекрасно. Я требую разыскать пассажира из шестьдесят четвертой каюты и посадить его под замок. Или ее. Пора всем им дать понять, насколько серьезно наше положение. Арестуйте его, кто бы он ни был этот нарушитель. Это не должно повториться!

— Но сэр, если б вы знали, кто это сделал...

— Плевать на это! Исполняйте приказ!

— Будет сделано. Могу я спросить только, как там Хольц? Я слышал, что он надышался дыма...

Покосившись на силуэт человека, лежавшего на койке в углу, Дон ответил:

— Первый инженер Хольц — мертв. Пока держите это при себе. Я не хочу, чтобы стало известно, что мы потеряли нашего последнего инженера.

Действие биостимулятора кончилось: Дон был обессилен и мрачен. Для этого имелось достаточно веских причин, оглядев встревоженные лица собравшихся в кают-компании, он подумал, что офицерский состав межпланетного лайнера «Иоганн Кеплер» оставлял желать лучшего. Командир — врач, вступивший на борт впервые несколько недель назад. Его помощник — бывший унтер, хотя в таком положении он оказался ценнейшим специалистом на корабле. Технический советник — из штатских, гениальный математик, настолько далекий от реальности, что порой позволял себе ошибки в элементарных расчетах. Двигателем, стоимостью в два с половиной миллиарда долларов, заведовал техник второго класса. Налив себе ещё чашку кофе, Дон глянул на него и улыбнулся:

— Поздравляю вас, Тибилевски, со вступлением в должность первого инженера Большого Джо.

Тибилевски был невысоким, малопривлекательном блондином. Единственным, что в нем обращало на себя внимание, были большие оттопыренные уши, сидевшие на голове, как ручки Вандианского кувшина. Нервно закусив губу, он пробормотал:

— Не знаю, сэр... Я ведь всего лишь обслуживающий персонал... приказы выполнять я могу, а вот...

— В таком случае выполняйте мой приказ, — жестко сказал Дон. Курикка уверял меня здесь человек, который обладает достаточной квалификацией для работы с атомным двигателем. И вы будете работать!

Тибилевски раскрыл было рот, но промолчал. Голова его качнулась в знак согласия, Дон ненавидел себя за эту, разыгрываемую им роль, но выбора у него не было. На первом месте был корабль и пассажиры.

— Отлично, джентльмены, — заключил Дон. — Итак, позвольте обрисовать вам сложившееся положение. Солнечная буря позади, о ней мы можем забыть. Положение с кислородом тоже терпимо — ПОКА! Правда, с потерей фитопланктона концентрация кислорода, кажется, понижается, но это неопасно. Проблема наибольшей важности сейчас — это наш маршрут. Давно пора провести коррекцию курса, в противном случае, мы пройдем в добром миллионе миль от Марса. Доктор Учальде, мы вас слушаем.

Темноволосый математик был хмур, в углах его крепко сжатого рта легли глубокие складки, он развел руками в жесте отчаяния.

— Что я могу сказать? Ложь тут не поможет, я делаю все, что в моих силах, но ничего хорошего из этого пока не выходит. Теоретически я способен управлять этим огромным кораблём, математика тут простая, но практически... Это выше моих сил! Я штудирую книги по астронавигации, но на это уйдет масса времени. С другой стороны, параллельно я должен осваивать составление программ для компьютера, а это — тоже непростая задача... — Он вновь пожал плечами.

— Скажите доктор, как скоро вы все это освоите?

— За неделю! Или — за месяц! Точно я сказать не могу. Так что, простите, но мне пора идти и заниматься учебой.

«И тут ничего хорошего, — подумал Дон. — Почему у нас так мало времени?» Но вслух бодро сказал:

— Подумайте, господа, о радио. Спаркс обшарил все склады и запасники и вместе с электриком Роддом собрал приемник. Однако солнечная активность пока ещё велика, что ухудшает качество приема. Но ещё хуже то, что нашему передатчику не хватает мощности для связи с Марсом. Вот и все, что я вам хотел сообщить. У кого есть ко мне вопросы?

— Два вопроса, сэр.

— Какие, Куриikka?

— По делу о капитане... о похоронах капитана Кардида. У нас пока не было времени заняться этим.

— Сделайте все необходимые приготовления, и мы проведем церемонию при первой же возможности.

— Все уже готово. Мы ждали только вашего согласия.

— Тогда давайте сразу же после собрания. Что еще?

— Наш арестант из карцера протестует, требует, чтобы ему разрешили поговорить с вами.

— Ах, вы про этого нашего поджигателя!.. Признаться, я совсем забыл о нем. Кстати, кто это?

— Это... генерал Метью Бриггс, сэр.

— Н-да... Я должен был догадаться. Впрочем, это не имеет значения. Пусть пока посидит, я поговорю с ним позже.

Больше вопросов не было. Дон закрыл совещание. Погребение капитана Кардида назначили через час, о чем по трансляции были извещены все обитатели корабля. Зайдя к себе, Дон попытался заснуть, но не смог. Безвыходность сложившейся ситуации заставляла лихорадочно, работать мысль. И вновь, уже не впервые за все это время, захотелось переложить на кого-нибудь другого бремя ответственности. Как бы он ни старался, положение корабля с каждым часом все ухудшалось. Может быть,

пришло время признать, что все их усилия с самого начала были обречены на провал, что фактически все они давно уже были обречены...

Резкий рёв сирены вернул его к действительности. Дон попытался стряхнуть свое гнетущее состояние, но оно не проходило. Душ помог ему, вначале — горячий, затем — обжигающе холодный. Воду сменил приятный поток теплого воздуха. Обсохнув и облачившись в форму, дон направился к служебному шлюзу на палубу «А». Там его уже ждали остальные. Козырнув ему, Курикка отработовал:

— Все в сборе, сэр. Погребальная команда готова, экипаж построен. — Он протянул Дону книгу в черном переплете с матерчатой закладкой и шепнул: — Я проведу всю церемонию, она недолгая. Только когда я прикажу снять шляпы, вы прочитайте несколько строк из устава, я отметил закладкой.

— Приступайте.

Церемония была простой, но весьма волнующей и, несомненно, брала начало от старинных морских похорон. Экипаж корабля — почти сорок человек — в молчании следил за тем, как обернутое флагом тело капитана внесли в помещение под четкий дробный ритм барабанов. Лишь несколько пассажиров пришли на церемонию: тем, кто недавно побывал рядом со смертью, не хотелось лишний раз вспоминать о ней. Шестеро из похоронной команды пронесли тело по палубе и установили его возле шлюза.

— Снять головные уборы! — скомандовал Курикка. Все обнажили головы.

Зажав под мышкой фуражку, Дон вышел вперед, держа устав в правой руке.

— Мы вверяем глубинам космоса этого человека — капитана Кардида, командира корабля «Иоганн Кеплер», моряка безбрежного океана...

Ритуал был недолгим, лишь одна страничка устава, но Дон понимал, что и это крайне важно. Кардид командовал одним из величайших кораблей всех времен и прошел на нем не тысячи, а миллионы космических миль. Погиб он по воле нелепого случая, но и корабль, и экипаж его продолжали путь... И люди, в силу необходимости, продолжали работать так, как если бы он оставался в живых. И он, Дональд Чейз, недавний выпускник медицинской школы, сейчас тоже стал частичкой их существа. Окончив чтение, Дон оглядел экипаж, и каждый ответил ему теплым, преданным взглядом. И понял он, что этой минуты никто из них не забудет до конца дней своих.

— Погребальной команде — вперед!

Раздалось гудение моторов, лязг металла. Люк отвалился. Носильщики выступили и, подняв тело, внесли его вглубь цилиндрической камеры. Затем, уже выйдя наружу, они тщательно свернули бело-голубой флаг Земли. Люк затворился. Заработали насосы, откачивая воздух.

— Откройте наружный люк, капитан, — сказал Курикка, подойдя к пульту управления шлюзом. Дон дождался, пока загорится сигнал готовности и нажал кнопку. Шлюз бесшумно отворился наружу. Центробежная сила вращения корпуса вынесла тело капитана и отправила его прочь от корабля.

— Разойдись!

Взволнованный, Дон направился к себе, но не прошел и десяти шагов, как услышал за спиной топот ног бегущего следом за ним человека.

— Капитан, можно вас на минуточку?

Руки Спаркса были в масле, под глазами обозначились темные круги усталости. Он, вероятно, давно уже не спал. Памятуя о запрете обсуждать служебные дела в присутствии пассажиров, он проследовал за Доном в отсек управления и, лишь притворив дверь, сказал:

— Мы восстановили передатчик.

— Замечательно! Давайте попробуем связаться с Центральной.

Громкость приемника была приглушена, поскольку со станции Марс-Центральна беспрестанно повторяли одно и то же записанное на пленку сообщение. Снова и снова они повторяли, что «Кеплер» на контрольный сигнал не ответил и предлагали ему немедленно выйти на связь.

— Конечно, это не то, что было раньше, — признал электрик Голд, — но работает прекрасно.

— Хотя мощность и невелика, — заметил Спаркс, созерцая высившуюся перед ним на столе коллекцию запчастей. Здесь лежали соединенные в единый комплекс запасные блоки к радару, усилитель роскошного магнитофона из кают-компания, а также несколько деталей из кухонной плиты, позаимствованных с камбуза.

— Думаете, они смогут уловить наш сигнал? — спросил Дон.

— Вне всякого сомнения, — заявил Спаркс, производя окончательную настройку. — Я отправил послание на нашей частоте, да и приемную мощность сейчас повысили...

Он до отказа вывернул ручку громкости, поднес ко рту микрофон и шепнул в него. Тотчас же динамики разнесли по отсеку его голос, перекрыв монотонное бормотание Центральной.

— Звучит довольно внушительно, — заметил Дон.

— М-м-да... — признал Голд без особой радости, — но слышно его в

радиусе метров тридцати, а сколько миллионов миль до Марса?

— Но у них там мощные приемники, — запротестовал Спаркс. — У них параболические антенны, способные уловить самый слабый писк...

— Ну, хватит, — сказал Дон. — Давайте лучше попробуем еще раз к ним пробиться.

Должно быть, слухи о предстоящем событии уже поползли по кораблю, поскольку, вскоре к ним присоединился Курикка, доктор Учальде и стюард Парсер. Спаркс вновь и вновь подстраивал приемник, пока не достиг удовлетворительного результата. Подсоединив питание, он взял микрофон и сказал:

— «Иоганн Кеплер» вызывает Марс-Центральную... Ответьте, Центральная, как слышите меня? Ответьте.

Снова и снова повторял он эти слова ровным и спокойным тоном. Голос его заглушал методично повторяющееся сообщение Центральной. Затем он замолчал, отложил микрофон и отключил передатчик. Летели минуты. Марс никак не реагировал.

— Мы так и не пробились к ним? — спросил Дон.

— Об этом ещё рано говорить, сэр. На таком расстоянии нашему сигналу потребуется несколько минут на то, чтобы достичь Марса и столько же, чтобы их ответ достиг нас.

Он включил передатчик и повторил вызов.

Быстро бежали минуты. Никто не отвечал на запросы. Их сигналы тонули в зловещем молчании космоса. Наконец, Спаркс стряхнул с себя оцепенение, выдернул из гнезда шнур микрофона и обернулся к остальным. На его изможденном лице выступили крупные капли пота.

— Очень сожалею, капитан, но я сделал все, что было в моих силах. Я уверен, наш сигнал доходит до них, но он слишком слаб. Думаю, его перекрывают помехи, оставшиеся после солнечной бури.

Внезапно бесконечно повторяющийся голос Марса смолк и спустя несколько мгновений напряженной тишины новый голос произнёс:

— «Иоганн Кеплер» — это вы на связи? Мы поймали какой-то сигнал на вашей частоте, но не можем разобрать его. Вы ли это? Повторите, слышите ли вы меня? Марс-Центральная вызывает «Иоганна Кеплера»! Мы уловили очень слабый сигнал на вашей частоте, но не можем...

— Это все буря, — объяснил Спаркс. — Буря и наша слабая мощность.

— Вы сделали все как надо, — сказал ему Дон. — Никто вас не упрекает.

Да, упреков не было. Но от этого было не легче. Они не могли связаться с Марсом, а это практически означало, гибель...

Все разошлись, а Дон продолжал разглядывать уродливый передатчик, будто пытался усилием воли заставить его работать. Надо было найти выход — радио оставалось их последней надеждой.

— Можете ли вы хоть как-то повысить его мощность? — спросил он.

Спаркс отрицательно покачал головой.

— Я и так нагрузил все цепи на сорок процентов сверх нормы. Какое-то время они ещё продержатся. Вы же видите, я каждые несколько Минут отключаю питание. Ещё немного и они полетят.

— И нет никакого способа их упрочить?

— Боюсь, что нет. Собрать эту штуковину было несложно. Все остальное время мы с Голдом искали пути повышения надежности цепей. Но по мере нашего приближения к Марсу слышимость улучшится, уверяю вас. Со временем они нас обязательно услышат.

— «Со временем» — это совсем не то, что нам нужно, — заявил Учальде. Подойдя к передатчику, он стал раскачиваться на носках, как, должно быть, делал на своих лекциях в студенческой аудитории. — Пока я ещё не могу управлять кораблём, но уже способен рассчитать его орбиту. Я произвел расчеты на основании записей, оставленных покойным навигатором, и установил, что погрешность в курсе ежесекундно возрастает. И, чем больше проходит времени, тем более она растёт и тем труднее, соответственно, ее исправить. Представьте себе очень длинный и широкий желоб, по которому катится шарик. Если он движется прямо, то внизу желоба он сойдет колышек. Но если в пути легким толчком отклонить его, то в конце пути он значительно отклонится от первоначального курса. Ещё одним таким же усилием его можно вернуть на исходную траекторию, но только сразу же после первого толчка. Если же промедлить, то шарик отклонится уже на много и тогда, чтобы вернуть его на курс, потребуются большие дополнительные усилия. Вы, конечно, поняли, что под шариком я имел ввиду наш корабль, а под колышком — Марс. Мы упустили довольно много времени и теперь самостоятельно вряд ли сможем произвести коррекцию. Нам необходимо сейчас же, срочно связаться с Марсом.

После этой лекции, которую никто не пытался оспорить, в отсеке воцарилось тягостное молчание. Оглядев собравшихся вокруг людей, Спаркс закричал, будто обороняясь:

— Не смотрите на меня! Я сделал все, что мог! Я собрал вам радио, и оно действует, вы же слышали! Большого из него не выжмешь! Это — все, что я мог сделать! Да.... А что вы хотели от обычной рации с модулированным сигналом? Это же вам не какой-нибудь там радар или локатор, где-просто фокусируются сигналы. Но это все, что мы в силах еде...

Дон быстро схватил его за плечо, может быть, немного сильнее, чем хотел.

— Что вы там сказали насчет радара? — быстро спросил он, так что радист от неожиданности отшатнулся.

— Ничего, сэр. Ничего такого, что могло бы нам пригодиться. Конечно, при фокусировании сигнала можно получить мощность вдвое большую, чем теперь. Но для передачи информации нужен именно модулированный сигнал, В противном случае, Марс сможет засечь только направленный сигнал. Они будут знать только, что мы с вами где-то здесь— и ничего больше!

— Нет, — возразил Дон. — И кое-что еще.

Он прошелся по отсеку, сосредоточенно стуча кулаком по ладони.

— Кое-что ещё мы с вами можем сделать. В какой-то книге я читал о раннем периоде развития радио. Нечто связанное с кодами...

— Точно, — подтвердил Спаркс. — Был такой код. Им пользовались лет двести тому назад. Мы тоже изучали эту историю в радиошколе. До того, как люди стали пользоваться модулированными сигналами, они использовали обычные статистические импульсы, которые прерывали длинными и короткими паузами, вроде шифра. Я предполагаю, что каждой букве соответствовала своя комбинация сигналов и пауз. Но мы-то сделать этого не сможем.

— Почему бы и нет?

Спаркс было усмехнулся, но, увидев выражение лица Дона, подавил улыбку.

— Видите ли, этого кода теперь уже никто не знает. А если бы и знали, то все равно не смогли бы закодировать им свое сообщение, и уж тем более никто бы не сумел его расшифровать. Идея, конечно, великолепная, мы бы вполне могли ее осуществить, но...

— Никаких «но». Раз сможем, значит, сделаем. Вы сумеете передать длинные и короткие сигналы, если я напишу вам текст?

— Думаю, что да. Я могу собрать прерыватель включать его в нужный момент. Можно даже записать все это на пленку. Так будет даже проще...

— Вот и займитесь этим. Как только я напишу, то принесу вам текст.

Куриikka, пойдёмте со мной.

Выйдя с ним в коридор, молчавший до сих пор Куриikka тяжело вздохнул и сказал:

— Если вас не затруднит, сэр, скажите, что вы собираетесь делать?

Он выглядел столь озадаченным, что Дону захотелось стукнуть его по плечу.

— Спокойно. Сейчас мы с вами пройдем в библиотеку. А там поищем нужную нам информацию. Если ее нет в книгах, то она должна иметься в компьютерной памяти.

Все оказалось довольно просто. В книгах, как он и предполагал, ничего не нашлось, они были представлены преимущественно беллетристикой для досуга пассажиров. Поэтому Дон сразу же набрал на дисплее индекс энциклопедии. Между разделами КА и КУ и впрямь оказалась статья «Коды». Пропустив несколько абзацев, Дон остановился на статье «международный код» и тут же заказал себе ее печатную копию.

— Вот он, — сказал Дон, торжествуя, помахав листком, на котором выстроились колонкой точки и тире. Посмотрим, удастся ли нам закодировать наше сообщение...

Однако уже в отсеке управления доктор Учальде нашёл ещё более простое решение.

— Почему бы нам не поручить все это компьютеру? В конце концов, эта тупая машина лишь для того и предназначена. С вашего позволения, синьоры, я составлю простенькую программу для кодирования наших сообщений и запишем их для постоянной передачи. После того, как мы отправим первый текст в эфир, я уверен, на Марсе быстро разберутся, что к чему. Возможно, перед началом передачи стоит передать ряд простых цифр от одного до десяти, чтобы они не приняли наше сообщение за случайный набор импульсов. А после уж можно передавать им все, что с нами случилось.

— Ну что же, вполне разумно, — согласился Дон. — После серии цифр пошлите им краткое сообщение. Только спросите у них, понятен ли им код? Если да, то сообщите, что голос их нам слышен. Но отвечать мы можем только кодом. Сделайте это как можно быстрее и сообщите мне, когда будете готовы. А я пока пойду к своим пациентам.

В лазарете ему пришлось приложить немало усилий, чтобы подыграть больным и дать как можно более оптимистичные ответы на их Тревожные вопросы. Да, солнечная буря прошла и больше не вернется. Нет, слухи о том, что начинается нехватка воздуха, совершенно беспочвенны. Не правда ли, никаких посторонних запахов? Он сменил повязку и, отпустив больного

с обмороженным лицом и руками, зашел в свой кабинет. Туда ему и сообщили, что все готово к передаче.

— Мы составили простейший текст, — сказал Спаркс, когда Дон возвратился в отсек управления. — Цифры вначале будем передавать помедленнее, а сообщение побыстрее, мы его уже записали. Антенна радара даст нам мощность примерно вдвое больше прежней.

— Начинайте, — сказал Дон, устало откинувшись в командирском кресле. Стюард поставил перед ним очередную чашку крепкого кофе.

Спаркс дважды выпустил в эфир сообщение, затем перемотал пленку, отключил аппаратуру и сказал:

— Теперь нам остается только ждать.

Доктор Учальде моментально произвел расчеты на клочке бумаги.

— Учитывая положение Марса, — сказал он, — ответа мы, по моим прикидкам, можем ожидать не ранее, чем через тридцать секунд.

Все взгляды немедленно обратились к бортовым часам. Казалось, что секундная стрелка почти не движется. Наконец она перевалила полуминутный рубеж. Пошла вторая минута. Огорченный Учальде вновь взялся за карандаш, рассеянно бормоча:

— Возможно, моя математика хромает, неужели я настолько ошибся?

Он не успел договорить. Монотонно повторяющийся голос из приемника неожиданно оборвался. Все обернулись к умолкшему динамику. Прошло ещё несколько томительных секунд, прежде чем отсек наполнил незнакомый голос:

— Алло, «Кеплер», это вы на связи? Вы меня слышите? Мы засекли серию сигналов на вашей частоте. Это вы на связи? Если да, то пошлите пять сигналов. Повторите, пожалуйста, наш прием нестабилен.

— Давайте! — приказал Дон.

Спаркс взялся за ключ и принялся отбивать точки и тире. Снова и снова во Вселенную неслось: пять... пять... пять...

И вновь потекли длинные и томительные минуты ожидания, пока их сообщение, промчавшись со скоростью 186 000 миль в секунду, догоняя свет, достигло Марса, было принято и расшифровано. Затем прозвучал ответ:

— Мы получили ваше сообщение, «Иоганн Кеплер»... — и громкий радостный клич потряс стены отсека — ...значит у вас неполадки с радиостанцией. Мы догадались, что ваше сообщение зашифровано и сейчас консультируемся с библиотекой насчет кода. Если мы его разыщем, то нам потребуются о вас точные данные. Повторите ваше сообщение по меньшей мере раз пять, повторяю: пять раз, поскольку у нас трудности с

приемом. Мы вас слушаем, всего хорошего.

На переговоры требовалось время, масса времени. Дон распорядился запустить сообщение в компьютер, где оно превратилось в серию точек и тире, на другую пленку были записаны последние звездные исчисления. Все надеялись на то, что марсианский компьютер их обработает и определит необходимую коррекцию. Время шло, и с каждой пролетевшей секундой они все больше и больше отклонялись от истинного курса.

Но вместо данных коррекции их запросили о количестве оставшегося в баках горючего. Они замерыли и по возможности быстрее отправили на Марс. На этот раз минуты ожидания показались им особенно невыносимыми. Наконец раздался долгожданный ответ:

— Алло, Большой Джо... — проскрипел их невидимый собеседник, и хотя он по мере сил пытался говорить как можно бодрее, в голосе чувствовалось беспокойство. — Мы не уверены, что это — окончательный ответ, все расчеты ещё будут перепроверяться, но... Говоря откровенно... вы слишком долгое время шли неверным курсом. Похоже, что с таким количеством топлива... Боюсь, что его не хватит на проведение коррекции курса к Марсу. Ваш корабль сошел со своей орбиты и уходит в открытый космос...

В гробовой тишине, воцарившейся после этого заявления, стук в дверь прозвучал неожиданно громко. Вошел техник по регенерационным установкам. Он отдал честь капитану, бросил настороженный взгляд на присутствующих и протянул Дону лист бумаги со словами:

— Я подумал, что это будет необходимо вам, сэр. Это — показания приборов, которые я снял пять минут назад.

Дон заставил себя переключить внимание на другую проблему. Смахнув с себя сонное оцепенение, он непонимающе уставился на колонки цифр, выписанные на листке из блокнота.

— Простите, — тихо сказал он, — но объясните мне, что означают все эти цифры.

— Эти вот — показатели, — техник указал на ряд чисел, подчеркнутых красным карандашом, — указывают на процентное содержание кислорода в атмосфере корабля, как видите, оно постепенно падает). После аварии мы каждые пять часов делали замеры. Вначале изменения были незначительными, но затем произошел резкий скачок вниз, видите, в последней колонке? Думаю, что это солнечная буря уничтожила большую часть нашего фитопланктона. Это, да ещё потери, которые мы потерпели при аварии и привели к нарушению равновесия.

— Какого ещё равно...

— Это очень просто, сэр. Люди на корабле дышат кислородом, а выдыхают двуокись углерода. Но делают это они быстрее, чем наши растения успевают поглотить углекислый газ и превратить его в кислород. То есть, проще сказать, у нас начинается нехватка воздуха.

Дон вздрогнул. Слишком уж много проблем сразу...

— И когда же содержание кислорода подойдет к критической черте? — спросил он.

— По меньшей мере через несколько дней, сэр, но что-то надо делать уже сейчас.

— Ф-фу! — От сердца сразу отлегло. — Но ведь не сию же минуту! Я займусь этим, как только освобожусь. Кто за это отвечает?

Техник, юноша лет двадцати, весьма неуверенным голосом проговорил:

— Лейтенант Хонг погиб. Так что остаюсь я.

— Как вас зовут?

— Хансен. Воздушный техник третьего класса Хансен.

— Ладно, Хансен. Теперь вы назначаетесь офицером по контролю за состоянием воздушной среды. Сделайте же все возможное, мы все теперь зависим от вас.

— Слушаюсь, сэр! — сказал Хансен, бойко козырнув.

«Он будет работать», — подумал Дон, провожая его взглядом. Но вдруг вспомнил о последних словах неизвестного с Марса и вновь его охватило отчаяние и томительное чувство безнадежности. Он повернулся к Курикке.

— Почему Центральная так обеспокоена нашим оставшимся топливом? — резко спросил он. — Я, наверное, выгляжу в ваших глазах тупицей, но занятия медициной оставляли мне не много времени для самообразования и расширения кругозора. Я почему-то думал, что наш корабль работает на ядерном топливе.

— Все верно, сэр, но все равно, нам требуется и ракетное топливо. Ракета ведь летит не потому, что от чего-то отталкивается, а потому, что выбрасывает часть своей массы. Допустим, в химических ракетах это — горючий газ. Он летит в одну сторону, а ракета — в другую. Чем больше мы теряем, тем быстрее движемся из-за большей скорости реакции. Ускорить реакцию можно, ещё интенсивней теряя массу. Что мы в полете и делаем. Наше топливо — это мельчайшие частицы кремния, которые получают из шлаковых отходов сталелитейных заводов, выпаривая в вакууме до микроскопических размеров. Их горение и придает нам значительную силу тяги. А вообще-то, сэр, об этом знает каждый дурак.... Почему же вам это не известно?

— Именно потому, что я не отношусь к числу дураков. Все это звучит довольно элементарно, по крайней мере,» в теории. Итак, невзирая на безграничную мощность ядерных двигателей, топлива на то, чтобы вернуться на прежний курс нам не хватает.

— Так точно, сэр. Как правило, горючего у нас бывает более чем достаточно, поскольку коррекция курса производится сразу же по мере необходимости. Чем дальше корабль удаляется от правильной орбиты, тем больше количество топлива потребуется на его возвращение. Мы же упустили слишком много времени.

Дон не впал в паническое состояние, овладевшее почти всеми в отсеке.

— А мы не сможем использовать в качестве топлива что-нибудь иное?

Курикка отрицательно затряс головой.

— Боюсь, что нет. Все, что у нас есть — слишком велико для форсунок. К тому же двигатели рассчитаны только на этот вид топлива. —

Он отвернулся и, впервые за все это время Дон увидел, что безысходность охватила и этого нестигаемого старого служаку.

— И все равно, что-то мы сделать ещё можем! — настойчиво сказал Дон. — Если мы и не сумеем вернуться на правильную орбиту, то должны, по крайней мере, попробовать подойти к ней как можно ближе.

— Может, это ещё и получится, капитан, но вряд ли это поможет... При колоссальной массе у нас не хватит топлива для торможения.

— В любом случае, мы окажемся поближе к Марсу. А там найдутся и другие корабли, которые выйдут нам навстречу и выручат нас, — заключил Дон. — Запросите-ка об этом Марс-Центральную..

Ответа ждали до умопомрачения долго, и был он не самым утешительным.

— Мы на компьютере просчитывает любую возможность помочь вам, но пока ничего не нашли. Сейчас поблизости от нас нет ни одного корабля дальнего радиуса действия, который смог бы прийти на помощь. Если же говорить о рейсовых ракетах, то они не достанут вас даже на пределе своих ресурсов, пусть бы вы и вышли на верную орбиту. Но не теряйте надежды, мы по-прежнему бьемся над решением ваших проблем...

— Чрезвычайно вам за это признательны! — проворчал Спаркс. — Вас бы в нашу шкуру...

— Боюсь, что вынужден буду не согласиться с синьором Куриккой! — вдруг объявил Учальде. — Полагаю, что его последнее утверждение было неверным.

Поскольку, долгое время перед этим ученый с отсутствующим видом о чем-то размышлял, можно было предположить, что он вряд ли сознавал, что «последнее утверждение» Куриккой было сделано с четверть часа назад.

— Что-то мы можем изменить, — продолжал Учальде. — Я понял вашу ошибку. Она в том, что все вы на эту проблему смотрите с одной стороны. Я же рассмотрел ситуацию с разных сторон. Вся беда в том, что вопрос с самого начала был сформулирован неверно. — Сложив руки за спиной он зашагал назад и вперед по отсеку. — Вопрос не в том, где взять топливо? А в том, как нам изменить курс? Если рассматривать ситуацию с этой стороны, то проблема станет достаточно ясной, а ответ — вполне очевидным.

— Только не мне, — сказал Курикка, выразив общую мысль.

Учальде улыбнулся.

— Если у нас не достаточно топлива, чтобы повернуть такой большой и тяжелый корабль, то, может быть, и не искать топливо, а сделать его легче?

— Ну, конечно! — просиял Дон. — Это — то, что надо! Только так мы спасем корабль.

— Главное, чтобы все, от чего мы будем избавляться, было тщательно взвешено, — предупредил Учальде. Это потребуется для дальнейших вычислений. И чем быстрее мы избавимся от лишнего веса, тем больше у нас шансов на спасение!

— Начнем прямо сейчас, — решил Дон, доставая блокнот и авторучку. — Давай составим список предметов, не влияющих на жизнеспособность корабля. Какие будут предложения?

— Разумеется, в первую очередь, багаж пассажиров, — предложил Учальде. — Оставить то, что на них надето, а остальное — за борт.

— Я уже предвижу сотни предъявленных нам исков, — простонал стюард.

— Уверен, что весь багаж застрахован, — сказал Дон, делая пометку в блокноте. Вещи или жизнь, другого выбора нет. Разрешим им оставить при себе вещи и драгоценности, остальное обсуждению не подлежит. Соберите их минут через пятнадцать, в Главной гостиной, я сам поговорю с ними. — Кивнув, стюард вышел. Дон повернулся к остальным.

— Объединенные столы, кресла, посуда, большинство кухонного оборудования, — перечислял Куриikka, загибая пальцы, — мороженное мясо и другие продукты. Мы сможем протянуть и на сухом обезвоженном аварийном пайке с небольшим количеством воды.

— Неплохая мысль. Кто следующий?

Тут же посыпались предложения. Поразительно, но до чего же много лишнего оказалось на корабле: ковры и декоративные украшения, лестничные перила и балясины, мебель, светильники и запчасти. Список возрастал, но оставался ещё один, особенно важный пункт.

— Груз, — сказал Дон. — Как быть с ним?

Куриikka закивал головой.

— Об этом можно только сожалеть. Так и разное тяжелое оборудование, и коробки с одеждой, безо всего этого мы вполне могли бы обойтись, но... Все это сложено в громоздкие, намертво прикрепленные к полу контейнеры. При желании можно было бы собрать специальное устройство, чтобы стащить их с места, но на все этой уйдет слишком много времени. По меньшей мере, несколько дней.

— Для нас это — слишком долго. Груз оставим, но все, что можно выбросить — за борт!

Как только экипаж приступил к работе, Дон с неохотой отправился в гостиную. Он вполне отчетливо представлял себе, что его там ожидает.

Все сто двенадцать пассажиров были раздражены, изнервничались, и услышанное ничуть их не обрадовало. Вначале Дону пришлось повысить тон, затем он просто начал орать на них. Он как раз начал объяснять пассажирам всю тяжесть сложившегося положения и крайнюю необходимость разгрузить корабль, когда команда начала выносить стулья и столы. Послышались возмущенные крики.

— Я очень сожалею, что вынужден вас к этому принуждать. Но заверяю вас, другого выхода у нас просто нет. Это не мой личный произвол! Вы знаете, что я — обычный врач, на которого временно возложены права капитана корабля, поскольку все остальные офицеры погибли. Но мы уже установили связь с Марсом. И то, что мы сейчас предпринимаем — это их решение. В ином случае мы просто никогда не сможем вернуться.

Новый взрыв возмущенных голосов он усмирил уже жестче.

— Я — капитан, и это — приказ. Вы оставите при себе лишь то, о чем я упомянул, а через полчаса принесете сюда весь свой багаж. От этого зависит ваша жизнь.

Люди разошлись, на чем свет кляня и капитана и его приказы. Дон невесело подумал, что в параде популярности среди пассажиров он вряд ли смог бы рассчитывать на призовое место. Но он обязан был спасать их — хотели они того или нет.

Один из пассажиров, задержавшись в гостинной, подошел к нему, высокий, худощавый мужчина с торчащими усиками.

— Меня зовут Дойл, капитан, — представился он. — Я — секретарь генерала Бриггса.

— Да, чем могу служить?

Сделав вид, что не замечает резкости его голоса, Дойл улыбнулся.

— Не столько мне, капитан, сколько генералу. Он просит вас выслушать его. Надеюсь, эта просьба не покажется вам чрезмерной?

Дон заколебался. Он помнил, что и сам собирался поговорить с генералом. Можно было бы и отказаться, но более удобного времени для этого разговора могло и не найтись.

— Хорошо, пойдемте.

— Благодарю вас, сэр. Полагаю, что генерал будет вам чрезвычайно признателен.

Но перед этим пришлось ещё зайти к Курикке за ключом от временной гауптвахты.

При виде их генерал поднялся с койки и сказал:

— Рад, что вы согласились прийти, капитан.

— Вы хотели поговорить со мной генерал?

— Да, если вы уделите мне хоть минуту своего времени. Но вначале хотел бы принести свои извинения за инцидент, происшедший в моей каюте. Разумеется, едва лишь получив ваш приказ, я тут же выбросил свои сигареты, я ведь умею не только отдавать приказы, но и исполнять их как вы понимаете. Однако, представьте себе, совершенно забыл о пачке в кармане и по рассеянности закурил. Из-за этой-то проклятой моей рассеянности все и случилось. Если б вы только знали, как я об этом сожалею...

— Как и все мы, генерал.

— Да, да, я уверен, что и вы тоже, конечно. Но позволено ли мне будет узнать, как долго вы собираетесь держать меня под арестом? Я нисколько не протестую, напротив, все ваши действия считаю очень правильными и вполне законными, но... Полагаю, что тяжесть моего наказания можно было бы и изменить.

Дон быстро все взвесил. Ему требовалась поддержка пассажиров, и если генерал примет его сторону, это ему, наверняка, поможет. Ярость генерала, по всей видимости, уже растаяла, а раскаяние его было очевидным. Причины держать его под замком больше не было.

— Вы свободны, генерал. Это не было наказанием, а всего лишь временной мерой, на период расследования причин пожара.

— Вы очень добры ко мне.

Последние слова Бриггса прозвучали довольно холодно, как простая формальность. В них не чувствовалось и доли того раскаяния, какое сквозило в его речах ещё минуту назад. Он тотчас же удалился вместе с Дойлом.

Дон глядел им вслед, мучительно вспоминая что-то. О чем-то говорил ему один из пожарных? Что-то о сигаретах и вспыхнувшем багаже? Но пусть даже генерал солгал ему, чтобы выйти из под ареста, теперь это не так уж важно. Инцидент исчерпан, и пора было подумать о корабле.

Поднявшись на палубу «А», он оторопел при виде открывшегося ему невероятного зрелища. Сама палуба фактически, являлась наружной оболочкой корабля, в нее были вделаны двухметрового диаметра иллюминаторы из закаленного стекла. Обычно в них можно было видеть мириады немигающих звезд, которые, казалось, медленно проплывали по небосводу. Исключая моменты взлетов и посадок, эта картина была постоянной. Теперь же..

Ослепительное сияние далекого Солнца затмевало сверкание звезд, отраженное от множества посторонних предметов. Столы, чемоданы,

стулья, ветчина, ботинки, ковры и канистры — список был бесконечным, — и все это, покачиваясь, проплывало мимо иллюминаторов и исчезало вдали, а их место занимали все новые и новые вещи. Начинался аврал.

У шлюза царил организованный беспорядок. Рядом со шлюзовым люком установили весы. Как только прибывала новая партия мебели и багажа, все это взвешивали, записывали отправляли за борт. Операцией руководил Курикка. При виде Дона, он бойко отрапортовал:

— Всё идёт отлично, капитан, Были некоторые недоразумения с пассажирами, но теперь все улажено.

— Что ещё за недоразумения?

Оглядевшись по сторонам, Курикка понизил голос:

— Я реалист, сэр, и когда на карту поставлена моя жизнь, стараюсь не думать о материях. Мы с Парсером и ещё несколькими ребятами прошлись по каютам после того, как пассажиры «добровольно» сдали нам весь лишний багаж. Ну и нашли там массу «необходимых» вещей, которые были не столь уж необходимы. И теперь все это — там...

— Суровый вы человек, Курикка. На вас, по всей видимости, будут жаловаться. Но, в любом случае, я на вашей сторон.

— Так точно, сэр. Мы уже почти все закончили, сейчас перепроверяем. А потом опять будем бомбить Марс.

— Давайте, заканчивайте и побыстрее. Сами знаете, почему.

Кивнув, унтер-офицер вновь взялся за работу. Дон повернулся, чтобы выйти, но вдруг споткнулся. Пол стремительно ушёл из-под ног, стены поплыли, так что ему пришлось ухватиться за поручень. Усталость его достигла крайнего предела, однако он твердо сознавал, что не имеет права останавливаться на полпути. Очень медленно и осторожно добрался он до отсека управления и просто рухнул в командирское кресло.

— Срочная информация, сэр, — произнесли у него под ухом. Он вновь поднял голову. Оказывается, он, сам того не подозревая, задремал. Сонно моргая, он недоумевающим взглядом поглядел на протянутый Спарксом листок бумаги.

— Что они говорят?

— Всего десять минут работы двигателей! Курикка и доктор Учальде сейчас сидят над программой для компьютера. Центральная заявила, что по поводу коррекции курса «они настроены оптимистически»!

— Лучше б они оказались точны, а не оптимистичны, — буркнул Дон. — Спасибо, Спаркс, вы, да и другие ребята проделали неплохую работу.

— Надеюсь, что не даром, — со вздохом сказал радист.

Машина заработала. Марсианский компьютер переварил заложенные в него данные и выдал инструкции по изменению курса, а также необходимые расчеты для корабельного компьютера. И согласно его указаниям, реактивные двигатели начали разворачивать огромный корабль в пространстве... Дон глядел на то, как в иллюминаторе звезды постепенно меняют свое положение, и тихо улыбался, поглядывая, как стрелки стремительно отсчитывают минуты на циферблате, думая с юношеским самодовольством, что хоть он и новичок в космосе, а в общем — то неплохо справляется с новой работой.

— Скажите, доктор, сколько времени нам потребуется, чтобы узнать, на верном ли мы теперь курсе? — спросил он.

Математик наморщил лоб.

— По меньшей мере час, пока мы не определим общее направление. Данные наших наблюдений мы сообщим на Марс и, как только их компьютер рассчитает нашу новую орбиту, они нас информируют.

— Вас к телефону, капитан.

Включив аппарат, Дон увидел на экране обеспокоенное лицо Рамы Кусума.

— Вы не смогли бы зайти в лазарет, сэр? Здесь пациент с лихорадкой, я не знаю, что с ним делать.

— А ещё какие симптомы?

— Ничего определенного, только общая слабость и расстройство желудка.

— Думаю, что ничего страшного. Подобным образом начинается множества незначительных недомоганий; сейчас я к вам зайду.

Столкнувшись с медицинской проблемой, Дон почувствовал почти облегчение. Он был уверен в своих способностях на этом фронте. Чувство бессилия возникало в нем лишь при встрече с техническими проблемами.

— Я схожу в лазарет, Курикка, если будут новости с Марса, дайте мне знать.

В дверях он столкнулся с Хансеном. Тот торопился и выглядел напуганным.

— Простите, сэр, — сказал он. — Я бы хотел поговорить с вами. Наедине, если можно...

Затворив за собой дверь, Дон огляделся. Коридор был пуст.

— Слушаю Вас. Что еще?

— Опять кислород, сэр. Его содержание вновь понизилось. Мы превысили уровень его воспроизводства. Люди дышат уже одним

корабельным воздухом. Уровень двуокиси углерода все возрастает, а кислород...

— Когда мы это почувствуем?

— Это чувствуется уже сейчас! Если вы пробежитесь по коридору, то уже через пару минут начнется одышка, а через два или три дня.

— Что?

— Люди начнут умирать, сэр...

— Где вы чувствуете боль, мистер Прис? — спросил Дон.

Он ощупал шею и подмышки пациента, но не обнаружил увеличения лимфатических узлов, что могло бы указать на характер инфекции.

— Нет. Если б я что-нибудь почувствовал, то сразу бы сказал, — вяло произнёс худощавый человек с орлиным носом; Чувствовалось, что он привык, чтобы все его пожелания выполнялись. — Я выложил кучу денег за это путешествие, но не скажу, чтобы оно было из самых приятных в моей жизни. Метеориты, мерзкое питание, исчезнувший багаж... Да ещё это вот. Если б вы содержали свой корабль в чистоте, ничего подобного бы не случилось.

И это пришлось проглотить, хотя можно было бы возразить ему, что на всех кораблях во избежание переноса инфекций по космосу, царит буквально больничная чистота... Температура больного была йод сорок, но пульс и дыхание — в норме.

— Похоже, сказал Дон, — что вы занесли инфекцию с Земли. По окончании инкубационного периода мы выясним ее происхождение.

— Что ещё такое? — забеспокоился мужчина.

— Не волнуйтесь, ничего страшного. Всего лишь обычная лихорадка. Я хочу попросить вас остаться в лазарете на несколько дней во избежание распространения инфекции среди пассажиров. Мы дадим вас жаропонижающее и немного снотворного.

Телефон задребезжал так неожиданно, что Дон едва не выронил шприц с лекарством.

— Капитан слушает.

— Мы закончили! — воскликнул Курикка. От его былой сдержанности не осталось и следа. — Марс сообщил, что мы на верном курсе. Поскольку топлива у нас кот наплакал, то они поведут Большого Джо не по обычной орбите торможения, а орбитой перехвата.

— А какая между нами разница?

— Обычно мы направляемся к Фобосу и при подходе начинаем тормозить, пока наши орбиты не совпадут. Но поскольку теперь на торможение топлива не хватает, то нас ведут напрямик к Марсу. Конечно, не так, чтобы пробить атмосферу, но достаточно близко для того, чтобы быть захваченными его гравитационным полем.

— Отличные новости, старина! Передайте мою благодарность всем,

кто в этот трудный час выполняет свой долг.

— Теперь все будет в порядке.

Дон молча повесил трубку и задумался. В порядке было ещё далеко не все. Какая разница, доберутся они до Марса или нет, если к тому времени все погибнут от удушья?

Сделав уколы, он отправился на палубу «С», где располагалась служба контроля за атмосферой корабля. Эта палуба была полностью отдана корабельным службам, на ней царила буквально кладбищенская тишина. Миновав пустые складские помещения — ради экономии топлива с них сняли и выбросили даже двери — Дон подошел к поджидавшему его Хансену.

— Вот сводка, сэр, — сказал тот. — Можете посмотреть сами.

Дону достаточно было лишь бросить взгляд на страницу, испещренную длинными колонками цифр, как новая волна усталости охватила его. Он решительно отодвинул журнал и спросил:

— Прошу вас, как специалиста, объяснить мне, что вызвало такое резкое падение содержания кислорода в воздухе?

Хансен указал на приборы, расположенные на противоположной стене помещения. Рядом с ними, в смотровом окне, колыхалась полупрозрачная, зеленая жидкость.

— В этом окошке перед вами тот самый фитопланктон, состоящий из массы одноклеточных водорослей, плавающих в воде. Всю свою жизнь они только тем и занимаются, что потребляют окись углерода, а выделяют кислород. Но большая часть их погибла при аварии. Примерно столько же — за время солнечной бури. Того же, что осталось, нам не хватит для восполнения нужного нам количества кислорода.

— Существуют ли какие-либо способы ускорить темпы выращивания этих водорослей?

Хансен покачал головой.

— Я делаю для этого все возможное. Но деление клеток идет слишком медленно. И сколько питательных веществ мы бы не добавляли в воду, ускорить этот процесс мы не в состоянии.

— Понимаю... — Дон огляделся по сторонам. — А для чего нужны все остальные приборы?

— В основном это — приспособления для взятия проб воды, микроскопического анализа и тому подобного. К сожалению, в общей цепи это лишь вспомогательное звено. Все это приводится в действие время от времени, на случай превышения допустимого уровня углекислого газа.

Немного собравшись с мыслями, Дон спросил:

— Но ведь на корабле должны иметься и свои запасы кислорода. Может, они нас выручат?

— Боюсь, что нет, сэр. его запасы ограничены. Кислорода в баллонах хватит меньше, чем на сутки.

— Ну а что мы ещё можем сделать?

— Я НЕ ЗНАЮ... — прошептал Хансен. На лице его явственно отразился ужас, так что Дон даже пожалел, что задал этот вопрос. Этот человек мог добросовестно выполнять свою работу, но ни на что большее не был способен.

— Ну-ну, не волнуйтесь, что-нибудь придумаем, — успокоил его Дон. Легко было сказать «что-нибудь», но вот что именно? Где им отыскать кислород в межпланетном вакууме? Дон снова и снова напрягал мысли, но все это было безрезультатно. Вокруг были лишь крохотные, взвешенные в воде водоросли. Думай! Ответ рядом, в них, где-то очень близко, перед глазами... Но где!

Неожиданно Дон громко, от души рассмеялся.

— Вот он, ответ, прямо перед глазами! — сказал он, похлопав по плечу изумленного воздухотехника. — Глядите прямо, в окошко, что вы там видите, ну?

— Это... это планктон, сэр...

— А что ещё?

— Ничего. Он и вода.

— Повторите последнее слова.

— Вода...

— А из чего состоит вода?

Внезапно догадка озарила лицо Хансена.

— Водород и... кислород!

— Совершенно верно. И у нас предостаточно электроэнергии благодаря нашему ядерному реактору. Мы пропустим ток через воду и с помощью электролиза разделим ее на два необходимых нам элемента...

— А потом выбросим водород в космос, а кислород оставим себе! — закончил Хансен. — Но, капитан, вода ведь тоже нам нужна. Как и наши водоросли...

— Я и не думал от них отказываться. Однако я предвижу бурную волну недовольства среди пассажиров. Вся вода на корабле проходит замкнутый цикл, но ее ведь все равно намного больше, чем действительно необходимо для повседневных нужд. Давайте определим минимальное количество воды, действительно необходимой на остаток пути, а остальное переработаем в кислород. Пусть наши пассажиры будут злыми и грязными,

зато — и живыми!

— Но для этого, наверное, потребуется специальное оборудование.

Тяжело вздохнув, Дон принялся перечислять, загибая пальцы:

— Во-первых, какой-нибудь резервуар вроде ванны. В самом процессе нет ничего сложного, герметизировать ничего не придется. Во-вторых, потребуется постоянный ток, значит, отведем кабель к генератору. Далее, слабый раствор электролита. Какая-нибудь соль и растворенная в воде щелочь.

— Столовая соль?

— Нежелательно. Это ведь хлорид натрия. Тогда в воздухе будет присутствовать компонент хлора. Нет, нам нужна какая-нибудь щелочная соль. Послушайте, вы же говорили, что у вас имеются какие-то химические вещества для подкормки растений. Может среди них найдется что-то нужное?

Достав список, Хансен наскоро проглядел его.

— Может быть это? — спросил он. — Мы для увеличения хлорофилла используем сульфат магния.

— Соль Эпсома? Лучше и быть не может! Во и все. Единственная трудность — это найти емкость и подвести отводную трубку к катоду, на котором будет оседать водород, а с анода кислород пойдет непосредственно в корабль.

Быстро набросав схему установки, Дон протянул ее Хансену.

— Думаю, это работает, сэр, — сказал тот. — Мы используем стеклянный отстойник. Я его вымою и приготовлю раствор сульфата. Только вот не уверен, справлюсь ли я с проводами и ещё с откачкой газа.

— Я пошлю к вам помощника. Унтер-офицер Курикка в состоянии собрать цепи по схеме, а если и не сможет, то найдет того, кто сделает это.

И в самом деле, Курикка прислал Спаркса, а затем и помощника первого инженера Тиблевски. Теперь кабель от пустого холодильного склада уходил под палубу. С его помощью подвели питание. После этого над резервуаром установили стеклянный купол, напоминающий верхушку обсерватории. Через него за борт корабля вывели отводную трубку для удаления водорода.

Наконец Спаркс сказал:

— Готово.

— Включайте, — скомандовал в конец уставший Дон.

Курикка повернул выключатель, а Тиблевски медленно двинул ручку реостата. Как только по электроду пошёл ток, вокруг него стали появляться пузырьки газа. По мере увеличения силы тока их становилось все больше,

пока, наконец, они не забурлили на поверхности воды. Нагнувшись над ванной, Дон сделал глубокий вдох.

— Замечательно! — сказал он, почувствовав, как от глотка чистого кислорода закружилась голова. — Думаю, что теперь со всеми нашими проблемами навсегда покончено.

Он уже готов был позабыть про все их прошлые напасти, когда резкий звонок телефона заставил его вздрогнуть.

— Говорите, — сказал он, увидев на экране перекошенное лицо Рамы Кусума.

— Прошу вас срочно прийти в лазарет, сэр, — быстро проговорил он. — Еще четыре случая лихорадки, такие же, как и первый. И еще, я не знаю, что делать с первым... Он в коме. Пульс слабый... Я никак не могу разбудить его...

Дон успокоил Раму и отослал его, посоветовав немного отдохнуть и выспаться. Одному ему гораздо лучше думалось. Четверо новых больных лежали в большой палате, а первый пациент Пирс — в изоляторе. Подойдя к нему, Дон прислушался к тяжелому дыханию больного, ознакомился с показаниями целой батареи датчиков, подсоединенных к разным частям тела Пирса. Ситуация была ясной, но... что все это могла означать?

Пульс медленный, неустойчивый, сердце пока работает нормально, температура под сорок и ещё растет, несмотря на частые уколы жаропонижающего. Инъекции антибиотиков тоже пока не дают заметных результатов. В чем же причина всего этого? Чуть раньше он был горд от мысли, что способен справиться практически с любым заболеванием. Но с этим ему не совладать. А ко всему этому, он ещё так устал...

подавив зевоту, он зашел в свой кабинет, тщательно вымыл руки и сунул их в ультразвуковой стерилизатор. Рама оставил ему в термосе кофе. Дон налил себе чашку и с наслаждением выпил. Мысленно он пытался выстроить известные уже факты в некое подобие системы.

Что, собственно, ему было известно, кроме того, что на его попечении находятся пятеро больных лихорадкой? К тому же, неизвестного происхождения... Единственным ее отличительным признаком были судороги лица и челюстей, правда, не очень частые. Все это чем-то смахивает на симптомы болезни Колливера, хотя не такие сильные и частые.

Однако нечто такое встречается в параличной стадии полиомиелита. Однако других сопутствующих симптомов не было. Так что же это?

Он вновь вернулся к мысли о том, что болезнь эта была ему совершенно незнакома. Но это ведь невозможно! Болезни могли претерпевать значительные изменения, они могли возникать крайне редко, однако все они были описаны, и новых появиться не могло. Пусть даже очень давно, но что-то подобное должно было встречаться во врачебной практике. В библиотеке он мог проискать несколько дней, поэтому поле поисков нужно было сузить максимально. Единственной надеждой оставался Пирс. Поскольку он стал первой жертвой болезни, вероятнее всего, он же и был ее носителем.

Дон по телефону связался со стюардом.

— Парсер, мне необходима кое-какая информация о пассажирах.

— А что вас интересует, сэр?

— Прежде всего пассажир по имени Пирс. Мне необходимо знать, откуда он прибыл до того, как оказался на нашем корабле. Ну и любая другая информация о нем, какой вы располагаете.

— Одну минуточку, сэр. Вы подождете или мне перезвонить?

— Я буду в своем кабинете, рядом с лазаретом.

В комнату, неся в руках накрытый поднос; вошел Рама Кусум.

— Я пообедал, капитан, и вспомнил, что вы уже давно ничего не ели. Поэтому я взял на себя смелость...

Даже сосредоточившись, Дон никак не мог вспомнить, когда же он ел в последний раз. Но он слишком устал, чтобы чувствовать голод.

— Спасибо, хотя не думаю, что смогу сейчас поесть. Я видел дегидрированную пищу и не сомневаюсь, что она чрезвычайно питательна. Но на вид она... все равно, что мокрые опилки... Так что не сейчас...

Но когда Рама откинул салфетку, открывая поднос, Дон умолк, не в силах вымолвить ни слова. Перед ним на тарелке красовался сочный красавец-бифштекс. Его густой аромат вызывал желание облизнуться. Дон потянулся было к столовому прибору. Неожиданно гнев исказил его лицо.

— Я ведь приказал выбросить за борт все съестное за исключением дегидритов! И не потерплю никаких исключений, в том числе и для себя!

— Ну что вы, никогда, сэр! — воскликнул Рама, всплеснув руками. — Все объясняется очень просто. Наш унтер заглянул как-то на кухню и застал там одного из поваров, который жарил для себя этот бифштекс. Наш унтер, конечно, справедливый человек, но уж больно вспыльчивый! При мысли о постигшем наказании меня просто в дрожь бросает. Да, ему разрешили этот бифштекс дожарить, но съесть? — ни в коем случае. Ну, а выбросить такую роскошь было бы кощунством, вот мы и решили с общего согласия (кроме поварского конечно) — преподнести его вам. Пожалуйста, съешьте, пока он не остыл.

Немного помолчав, Дон взялся за вилку и сказал с дрожью в голосе:

— Вы мне не оставляете другого выхода... Пожалуйста, поблагодари всех от моего имени. Это и впрямь замечательный бифштекс.

Поев, он отправился мыть посуду, когда вновь зазвонил телефон. В трубке он услышал голос Парсера.

— Вы требовали информацию, капитан. Докладываю: Пирс отправился на корабль с ракетной станции Чикаго-Лейк. Постоянно проживает в Чикаго. Весь год перед этим полетом он ни разу не покидал города. Вы об этом хотели узнать, сэр?

— Да, это именно то, что мне было нужно... — Дон расстроенно бросил трубку.

Убийственный итог. В Чикаго столь экзотических заболеваний не водилось.

— Что-нибудь не так? — осторожно спросил Рама.

Дон поспешно встряхнулся, сгоняя озабоченность с лица.

— Нет, всего лишь ложный след. Сейчас я пытаюсь определить источник болезни этих людей. Но это нелегко. Если быть с тобой откровенным, то я не имею ни малейшего понятия об этой болезни. Поскольку в будущем ты планируешь стать врачом, то сейчас перед тобой повод убедиться, что доктора — такие же простые смертные, как и все остальные люди. Порежь нас — и мы станем кровоточить. И мы чего-то не знаем. То есть знаем далеко не все обо всем. Поэтому все мы специализируемся в разных областях. И, видно, в этой я не специалист. Останься здесь, я схожу в отсек управления.

Либо коридор за это время стал длиннее, либо устал он до такой степени, что это расстояние показалось ему нескончаемым? По пути ему встретилась пассажирка миссис, имени он не помнил. Он приветливо ей улыбнулся, но вместо ответа она громко фыркнула и отвернулась. Интересно, что же она про него сейчас думает? — багажный вор, паразит воды, еды, да ещё и самозванец!

В отсеке был один Курикка. Он сидел в навигаторском кресле и, казалось, дремал над приборами. Впрочем, это был не тот человек, который мог бы позволить себе спать на вахте. При виде Дона, он выпрямился во весь свой шестифутовый рост и отдал честь, не взирая на все протесты молодого человека.

— Вольно, Курикка, садитесь. — Он окинул взглядом обычно безукоризненно выглаженную, а теперь измятую форму своего помощника, темные круги под его глазами и спросил: — Когда вы в последний раз отдыхали?

— Точно не знаю, сэр, но чувствую я себя прекрасно. Ввиду того, что не пью и не курю, а в девять часов уже в постели.

— Вы лжец, — сказал Дон, и оба понимающе улыбнулись. — Мы уже можем говорить с Марсом?

— Пока нет, но доктор Учальде показал мне, как набирать сообщение на компьютере. Дайте мне текст, и я передам его.

— Текст несложный. Пусть свяжутся с Землей и запросят Объединенный диагностический центр в Лондоне; Мне срочно нужна консультация. Я составлю им список симптомов, но сперва вызовите Марс,

возможно, для связи с Землей им потребуется время.

— Консультация насчет болезни? Это что-то в связи с нашими пассажирами?

— Да, конечно. Доверюсь вам, как своему первому помощнику, но не для передачи остальным. Первый случай оказался чрезвычайно серьезным. У остальных — такие же симптомы. Я даже не представляю, что это может быть.

Молча повернувшись к клавиатуре компьютера, унтер-офицер принялся набирать сообщение.

Дон сел в капитанское кресло и попытался привести мысли в порядок. Болезнь, лечение, симптомы — все это сплелось в единый клубок и завертелось перед глазами...

Он ничего не слышал, не воспринимал голосов, лишь легкое прикосновение разбудило его. Открыв глаза, Дон увидел лицо склонившегося над ним Курикки.

— Объединенный диагностический центр на связи, — сказал он.

— Как долго я спал? — спросил Дон.

— Около четырех часов, сэр. Я связывался с лазаретом, но вы там пока не требуетесь. Поэтому я решил дать вам выспаться.

— Думаю, вы правильно поступили. Я и в самом деле нуждался в этом... — Дон осмотрелся. Спаркс возился с передатчиком, вахтенный что-то записывал в борт-журнал. — А теперь передайте им мое сообщение.

Он продиктовал симптомы загадочного заболевания, все медицинские характеристики состояния пациентов, все что узнал о них, включая имена и адреса, чтобы можно было свериться с медицинскими карточками на Земле. Закончив, он зевнул и широко потянулся.

— Пойду умоюсь, — сказал он. Ответа нам придется дожидаться долго. И ещё спросите, можно ли будет прислать сюда кофе?

Впервые он почувствовал себя более или менее сносно. Сон восстановил его силы, да и угроза гибели отступила. Хотя оставалась ещё эта непонятная история с лихорадкой, но теперь можно было поделиться своей тревогой с другими. Прежде он в одиночку решал все проблемы, теперь же за его спиной стояла вся медицина планеты. Конечно, все это в большей степени напоминало стрельбу из пушки по воробьям, но все же, так было гораздо спокойнее.

Вскоре Марс-Центральная переслала запрос из Лондона. Там требовали уточнить ещё некоторые детали. Дон почти сразу же ответил. Тем временем Рама сообщил, что все пациенты в лазарете чувствуют себя нормально. Теперь, впервые за истекшие дни, Дон мог себе позволить

расслабиться и выпить не спеша кофе. И поэтому, когда пришло сообщение с Марса, он оказался совершенно к нему неподготовленным.

— Алло, Большой Джо, вас вызывает Марс. Передаем сообщение доктора Чейза из Объединенного диагностического центра. «Сожалеем, но перечисленные вами симптомы не соответствуют ни одной из известных нам болезней. Просим собрать по возможности более точные и полные данные, поскольку заболевание может оказаться уникальным». Конец сообщения.

Уникальным! Дон вскочил с места. Чашка небьющегося стекла покатилась по полу, оставляя следы гущи. Теперь не приходилось ожидать помощи со стороны. Он оставался один на один с болезнью, гораздо более одиноким, чем когда-либо в прошлом.

— Звучит малоутешительно, — заметил Куриikka.

Дон невесело усмехнулся.

— Малоутешительно — слабо сказано. Как видно, причину лихорадки им определить так и не удалось.

— Ну, если это обычная лихорадка, то все ещё не так уж страшно. Еще дней пять-шесть, и мы подойдем к Марсу, а там-то уж в нашем распоряжении будут любые врачи.

— Если это ВСЕГО ЛИШЬ лихорадка...

Он резко обернулся на телефонный звонок. Куриikka снял трубку, молча выслушал и повесил на место.

— Звонил Рама из лазарета, — сказал он. — Вы срочно нужны ему.

— А он не сказал зачем?

Оглядев присутствующих, Куриikka подумал и, скрепя сердце, решился:

— Да. Он сказал что больной Пирс скончался.

— Вы сделали все, что могли, сэр, — сказал Рама.

— Возможно, — начал было Дон, но закончить не смог.

Он знал, что Рама прав, и, когда тот накинул простыню на мертвеца, поспешно отвернулся.

Они использовали все подручные средства. Переливание крови, охлаждающие компрессы, стимуляция сердца, наркотики. Все. Но ничто не помогло — Пирс умер, его жизнь потухла, подобно выключенной лампочке. Вся мощь современной медицины не смогла остановить процесс.

— Теперь я могу сказать вам, — произнёс Рама, понизив голос. — У нас ещё два пациента. Я принял их, пока вы занимались Пирсом. Лондон уже определил, что это за штука? Как нам остановить ее?

Дон медленно покачал головой, вспомнив, что в большой спешке, пытаясь спасти жизнь больного, он не рассказал Рама о последнем сообщении.

— Они не в силах помочь нам. Мы одиноки перед лицом болезни.

— Но они должны знать, — настаивал Рама. В нем жила чуть ли не фанатичная убежденность в могуществе медицины. — Они знают обо всех болезнях, должны знать и об этой.

— Похоже, как раз этого они и не знают.

— Но это невозможно, если это не что-то новое.

— Видимо, так и есть. Как и где Пирс подцепил эту заразу, сейчас представляет только академический интерес. Поскольку помощи извне ждать не приходится, попробуем справиться с заразой сами. Перво-наперво, мы должны предотвратить распространение инфекции, для чего наложим на лазарет карантин, затем выясним, с кем пациент входил в контакт и попытаемся изолировать их...

— Это будет очень трудно на корабле таких размеров.

— Может быть, даже невозможно, но, по крайней мере, мы должны попробовать. Я иду в рубку, вернусь сразу, как только освобожусь.

Там его уже ждали предупрежденные им офицеры: Спаркс, Тиблевски, Парсер и старшина. Сообщение застало Курику за бритьем, и теперь лишь одна его щека была покрыта жесткой щетиной.

— Вольно, садитесь, — приказал Дон, обдумывая, как рассказать правду.

Прямо и честно, решил он.

— Вы — добровольцы, поскольку я не назначал вас приказом. На борту корабля лихорадка, и один из пациентов уже умер. Честно скажу: никто не знает, что это за болезнь, и я собираюсь изолировать больных в рубке. Я сам подвергся инфекции и должен находиться в карантине. Однако, я все ещё командир корабля. Я не знаю, насколько велик риск проникновения инфекции в рубку, но, боюсь, что буду вынужден просить всех членов экипажа оставаться на своих местах.

— Больше ничего не остается, капитан, — ответил за всех Куриikka.

— В лазарете есть водопроводный кран, и если мы перенесем туда несколько коробок с сухими продуктами, то больные будут на автономном обеспечении. Затем я хочу перевести всех пассажиров в другой конец рубки, как можно дальше. Я знаю, что они все будут недовольны, но к этому мы уже привыкли. И наконец, нам следует установить вторичную зону карантина для пассажиров, непосредственно находившихся в контакте с больным. Прислуга, дети, друзья... Мы не знаем пут распространения болезни, но если все пройдет достаточно быстро, то можно успеть перекрыть их. Парсер, список пассажиров с вами?

Кивнув, стюард положил рядом сложенный листок бумаги.

Слушая перечисляемые имена и отсеки, Куриikka внезапно поднял голову и нахмурился, с каждым словом мрачней все больше. Незамеченный остальными, он подошел к шкафчику со схемами и принялся там что-то искать. Вытащив большой план, Куриikka развернул его на столе и углубился в изучение. Только окончательно удостоверившись в своем подозрении, он произнёс:

— Капитан, взгляните сюда...

Подойдя к нему, Дон посмотрел на план одной из частей корабля.

— Что? — спросил он.

Достав красный карандаш, старшина начал объяснение.

— Это отсеки, через которые пролетел метеорит — те, что были разгерметизированы.

Каждый из них: он обвел карандашом.

— Парсер, перечислите номера отсеков, занимаемые заболевшими пассажирами.

Во время чтения Дон смотрел на план со все возрастающим беспокойством.

Выслушав, он взглянул на унтер-офицера.

— Вы хотите предположить?

— Я ничего не предполагаю. Только констатирую факты.

— Но что это может значить?... Каждый из находившихся в лазарете

занимал отсек, пробитый метеоритом. Им посчастливилось в это время находиться в другой части корабля. Но, должно быть, это совпадение...

— Вы верите в такие совпадения, капитан? Я уже давно не верю. Слишком много на это раз. Один, два, три, но не все же вместе.

Дон рассмеялся.

— Другими словами, вы предполагаете, что между метеоритами и болезнью имеется связь?

— Это предположили вы, а не я, сэр. Я лишь назвал факты.

— Нет, это невозможно, — Дон прошелся по комнате. — Из отсеков вышел весь воздух, температура упала, затем они снова были загерметизированы, и в них опять закачали воздух. Но пока все не пришло в нормальное состояние, туда никто не входил. Ведь это не просто простуда или что-нибудь подобное.

Внезапно он замер, широко открыв глаза.

— Нет, это невозможно, — неуверенно повторил он. — В каком положении находились мы в момент аварии?

Куриikka достал ещё один чертеж.

— Примерно здесь, сэр.

Взглянув, Дон кивнул.

— Между Землей и Марсом в плоскости эклиптики, правильно? Тогда один важный вопрос, что ещё находится в этой плоскости?

— Ничего.

— Не спешите с ответом. Как насчет астероидов?

Куриikka показал на карте.

— Не здесь, капитан. Астероиды между Марсом и Юпитером.

— Но, насколько я смыслю в астрономии, здесь есть ещё Аполлон и Эрос, чьи орбиты проходят через орбиту не только Марса, но и Земли?

Улыбка исчезла с лица Куриikka.

— Верно, я забыл об этом.

— Тогда, если в этом районе находятся астероиды, нас вполне мог поразить осколок космической скалы, составлявшей пояс астероидов.

— Вполне вероятно, сэр. Ну и что из этого?

— По теории происхождения астероидов, они — остатки планеты, ранее существовавшей между Юпитером и Марсом. И метеорит, поразивший нас, был обломком той же планеты.

Стюард первым понял, куда ведет такое предположение.

— Боже, — прошептал он, внезапно побледнев. — Вы хотите сказать, что эту лихорадку принес метеорит? Что это болезнь планеты, исчезнувшей миллионы лет назад?

— Именно так. Идея не настолько нова, как кажется. Вы помните, я взял всевозможные анализы у больных лихорадкой. На корабле есть электронный микроскоп и если бы на них были хоть какие-нибудь микроорганизмы, то я обнаружил бы их. Но вирус неразличим под микроскопом. Я уверен, что мы имеем дело с вирусной инфекцией, но не знаю, что это за вирус. Теперь немного о самих вирусах. Они представляют собой мельчайшие формы жизни, как раз на границе между живой и неживой материей. Некоторые ученые склонны считать, что это даже не живые микроорганизмы. Их создавали в лабораториях из природных веществ и искусственные особи оказались полностью идентичны натуральным. Некоторые из них, будучи засушенными, сохраняют способность восстанавливаться к жизни спустя много лет. Мы знаем, что они не меняются в течение сотен лет, а поэтому, возможно, в нейтральной среде они могут сохраняться несколько тысяч или даже миллионов лет.

Неудивительно, что эту болезнь мы так и не смогли распознать. Ведь она абсолютно неизвестна на Земле. Хоть и могла просуществовать дольше, чем мы могли себе представить. Если это предположение верно, то больные — первые из землян, ставшие жертвами лихорадки из другого мира. Это болезнь, против которой наш организм не имеет никакой защиты, против которой наша медицина бессильна.

В наступившей тишине шепот Парсера прозвучал оглушительно:

— Но тогда мы — мертвы...

— Нет! — громко сказал Дон, пытаясь разрушить отчаяние, охватившее присутствующих. — У нас есть шанс. На борту достаточно оборудования, чтобы собрать анализатор. До этого я не думал о нем, поскольку невозможно было выделить единственный штамм — это долгий и сложный процесс. Но теперь я могу приготовить противовирусный препарат. Курикка, помнится, вы говорили мне, что метеорит застрял где-то в середине корабля. Мы можем найти его?

— Думаю, что да. А зачем?

— Чтобы раздобыть пробу вируса в засушенном состоянии. Если его частицы, попавшие на корабль, могли восстановиться к жизни и вызвать болезнь, то почему бы не проделать в лаборатории то же самое? Ну, а если получится — то мне, скорее всего, удастся сделать сыворотку.

— Звучит неплохо, — согласился Курикка. — Я прикажу принести скафандр и вытащу эту штуку, если она ещё там.

— Принесите два скафандра, и я пойду с вами. Хочу быть рядом, когда вы обнаружите и исследуете его. Я должен быть уверен, что больше эта болезнь не доставит нам неприятностей.

— Вы — капитан и не должны рисковать.

— Сейчас более важно, что я — врач! Я — единственный на корабле, кто может справиться с вирусом.

Во время разговора дверь открылась, что осталось незамеченным. Внезапно их прервал чей-то голос.

— Никто никуда не пойдёт.

В дверях с револьвером в руке стоял генерал Бриггс, за ним — Дойл и ещё несколько человек с дубинками наизготовку.

— Я беру командование кораблём на себя. А вы вернетесь в лазарет. Вы наделали множество глупостей с момента принятия командования, и остальные пассажиры думают так же, — заявил генерал. — Они согласны, что я, как человек, призванный командовать, должен стать капитаном. Возвращайтесь к своим обязанностям и забудьте этот безумный план. Теперь вы — обычный корабельный врач, а капитан «Иоганна Кеплера» — я.

В полной тишине генерал и его люди вошли в рубку.

Первым пришел в себя Курикка. Не обращая внимания на направленный на него пистолет, он шагнул вперед.

— Ваши действия — чистое пиратство, — сурово произнёс он. — Согласно действию Соглашения — пиратство в космическом пространстве приравнивается к пиратству на море, ну, а наказание за него ещё более суровое. По меньшей мере, пожизненное заключение, и вам его не избежать. Положите оружие, пока вы не зашли слишком далеко.

Его слова произвели эффект. Опустив импровизированные дубинки, люди Бриггса беспокойно переглянулись. Протянув руку к револьверу, Курикка решительно шагнул вперед, и генерал был вынужден сделать несколько шагов назад.

— Если вы попытаете отнять оружие, я буду вынужден пристрелить вас, — не менее решительно ответил он.

— Тогда вас осудят за убийство, остаток дней вы проведете в тюрьме. Бросайте сюда.

Бриггс отступил ещё на несколько шагов.

— Уберите его, Дойл, — не поворачивая головы, произнёс он.

Секретарь размахнулся дубинкой и опустил ее на плечо Курикки, повалив его на пол.

— Мы — решительные ребята, — произнёс Бриггс. — Нас не остановить.

Соппротивление было сломлено. Старшина лежал на полу, тщетно пытаясь подняться, а из коридора вышли ещё несколько вооруженных пассажиров.

— Так вы далеко не уйдете, — сказал Дон — Вы ничего не знаете об управлении кораблём. К тому же, вы не можете рассчитывать на помощь экипажа.

Рот Бриггса скривился в холодной усмешке.

— Напротив, с нами, по крайней мере, один человек, знающий достаточно много. Члены экипажа, не занятые вахтой, будут взяты под стражу, а рядом с вахтенными постоянно будут находиться двое моих людей. Они не откажутся работать, поскольку отказ поставит под угрозу не только наши жизни, но и их собственные. В этом не будет затруднений, доктор, поскольку не было проблем с моим первым помощником. Вы ведь

встречались с доктором Учальде.

В рубку вошел доктор Учальде, держа в руке остро заточенный нож. Он коротко кивнул и сел в капитанское кресло. Дон был потрясен. Он никогда бы не подумал, что мексиканец предаст их. Отчаяние охватило его, когда он вновь повернулся к генералу.

— Отлично, Бриггс. Вы захватили корабль. Но что это даст вам?

— Это позволит мне благополучно добраться до Марса.

— Это даст вам тюремный срок, — вмешался поднявшийся на ноги Курикка. — Незаконный пронос на корабль оружия — серьезное преступление.

— Я всегда вооружен, несмотря на запреты.

— Меня не волнует ваше оружие или даже ваши пиратские действия, — гневно закричал Дон. — Но меня волнует жизнь остальных. Я должен достать этот метеорит.

— Нет. Возвращайтесь в ваших пациентам, доктор. Больше я не собираюсь повторять вам.

— Вы не понимаете! Мне просто нечем лечить их. Но если мы сможем найти метеорит...

— Уберите его, — сказал Бриггс, делая знак двум пассажирам. — Я уже достаточно наслушался вашей теории, чтобы понять, что она безумна, как и остальные ваши планы. По прибытии на Марс я тут же потребую проверить вас на предмет помешательства. Сейчас попробуйте оставаться врачом, если только у вас получится.

Отчаявшись, Дон позволил двум рослым пассажирам вывести себя в коридор. Они с опаской проводили его в лазарет, а сами стали на часах у входа.

— Что случилось? — испуганно спросил Рама, увидев Дона. После объяснений он испугался ещё больше. — Мы должны сопротивляться, бороться. Вы спасли им жизнь! Как только такое зло может существовать в мире! — Открыв шкаф, он пустился на поиски оружия.

Дон попытался успокоить его.

— Это не выход. Пассажиры вооружены и все время на чеку. Они испуганы, иначе никогда не позволили бы Бриггсу поднять мятеж. В действительности не имеет значения, кто командует кораблём, если только мы сможем добраться до Марса. Важно лишь одно — смогу ли я найти лекарство против болезни? Но Бриггс мешает мне в этом. Мы должны что-то предпринять.

Все было тщетно. Стража менялась через равные промежутки времени. Первые часы телефон не работал, поскольку в борьбе за корабль

Бриггс отключил его. Взяв власть в свои руки, он почувствовал себя в безопасности — телефонная связь была восстановлена. Дон хотел было позвонить в двигательный отсек, но ему ответил один из людей Бриггса. То же самое произошло и с другими постами.

Члены экипажа содержались отдельно друг от друга, а число их противников было, по крайней мере, в два раза больше.

Сдавшись, Дон вернулся к своим пациентам. Теперь их было четырнадцать, и первые быстро сдавали. Он испробовал все возможные комбинации антибиотиков в тщетной надежде случайно наткнуться на новое лекарство. Напрасно!

Сломленный напряжением и усталостью, он лег и попытался заснуть. На корабле была ночь. Хотя космонавты находились в непрекращающемся дне, и солнце светило им круглые сутки, но по корабельному времени постоянно происходила смена дня и ночи. Это не только позволяло есть и заниматься общественными делами в определенное время, но к тому же благотворно влияло на здоровье людей на борту. Человеческий организм подчиняется определенному ритму — равные промежутки сна и бодрствования. При их сбое происходили серьезные осложнения. Поэтому корабль ночью спал, и лишь вахтенные несли службу.

Дон уснул и проснулся лишь в 4.00 корабельного времени, разбуженный телефонным звонком. Экран загорелся, и на нем появился секретарь генерала Бриггса.

— Позовите охранников, — приказал он. — Я хочу поговорить с ними.

Первой мыслью Дона было отключить связь. Пусть сами передают собственные сообщения — он не будет помогать им в этом! Но этим он ничего не добился бы, разве что доставил бы себе удовольствие. Дон подошел, к двери. Охранники были осторожны, и, пока один отвечал по телефону, другой внимательно следил за Доном.

— Доктор должен отправиться в рубку, — сказал наконец первый.

— Я пойду в ним, а ты оставайся здесь.

— Зачем он им понадобился?

— Кто-то заболел... Хватайте свой чемоданчик, док, и пошли.

Умывшись и захватив с собой медицинский саквояж, Дон в сопровождении охранника отправился в рубку. Еще один больной лихорадкой? Отбросив профессиональную этику, Дон понадеялся, что будет Бриггс. Если генерал выйдет из строя, мятеж будет подавлен.

Охранник у дверей рубки кивнул им и открыл дверь. Первое, что увидел Дон, был лежащий на полу Спаркс. Он стонал, держась за живот, его глаза были закрыты. В капитанском кресле сидел доктор Учальде, в

другом конце комнаты стоял Дойл с оружием в руках.

— Позаботьтесь о нем, — сказал секретарь. — Он болен, а у нас нет другого машиниста-радиста.

— Я пощупал ему голову, он весь пылает, — произнёс Учальде.

Обычно лихорадка начинается не так, но с новой болезнью все было возможно. Дон склонился над Спарксом и открыл свой саквояж. Достав записывающий датчик, он положил руку на голову мужчине. Температура была нормальной.

Прежде, чем Дон успел удивиться, Спаркс открыл один глаз и подмигнул ему.

В этот момент распахнулась дверь. Дон услышал голос Курикки:

— Бросайте оружие, Дойл, и мы избежим ненужного кровопролития.

Обернувшись, Дон увидел, что ситуация в корне изменилась. В дверях стоял Курикка, держа перед собой обезоруженного охранника. Большой автоматический пистолет был направлен на Дойла. Рядом со вторым охранником стоял Учальде, приставив к его шее нож.

— Бросайте оружие! — яростно прорычал Учальде. — Иначе я перережу вам глотку.

Металлический прут с лязгом упал на пол. Ошеломленный Дойл перевел взгляд с одного на другого, а затем поднял пистолет. Тут же Курикка выстрелил, и Дойл застонал от боли. Он схватился за руку, выронив пистолет. По его пальцам заструилась кровь.

Подняв лежащее на полу оружие, Спаркс встал.

— Курикка? — спросил ошеломленный Дон. — Как вы сумели организовать это?

Старшина улыбнулся.

— Благодаря доктору Учальде. Это был его план.

Учальде покраснел от удовольствия и слегка поклонился под устремленным на него взглядом.

— В моей стране часто случаются такие вещи. Генерал Бриггс обратился ко мне за помощью, зная о революционном прошлом моей родины. Я сразу же принял его предложение, поскольку он, видимо, не знал о случаях контрреволюции. Намного проще действовать изнутри враждебной организации. Я стал его ближайшим помощником и дождался ночи. Я всегда считал, что возмущения нужно подавлять на раннем этапе их развития, до того, как они обретут стабильность. Оставалось только дожждаться удобного случая. Как только генерал удалился, оставив вооруженного Дойла, я понял, что надо действовать. Я связался по телефону с Куриккой, и он любезно сообщил мне, где в капитанской каюте

спрятан пистолет. Это даже не всем известно — что на борту корабля имеется пистолет на случай предательства и тому подобного. Весьма предусмотрительно.

— Затем раз, два, три: Спаркс падает, посылает за вами, появляется Курикка, и все кончено.

— Не совсем. Вам ещё придется иметь дело со мной. Ха-ха, полудурок...

В дверях стоял генерал Бриггс с перекошенным от гнева лицом. Холодно оглянувшись, он вошел в отсек.

— Вы не смогли завершить свое маленькое дельце. — сказал он. — Теперь не советую вам тут выпендриваться. Как только доктор покинул лазарет, я был тут же поставлен в известность. Существовала вероятность, что этот соплежуй, отчаявшись, попытается завладеть кораблём. Но теперь этого уже не случится.

Он указал на стоящих в дверях людей — в руках они держали дубинки.

— Бросайте оружие и не будет никакого насилия.

Бриггс снисходительно улыбнулся и подняв руку, направился к Курикке.

Старшина медленно поднял пистолет, направив его в переносицу генерала.

— Еще шаг, и вы мертвы.

Бриггс остановился.

— Я хотел избежать кровопролития, — сказал он. — Даю вам последнюю возможность сдаться... Мы — решительные парни, и ваших зарядов на всех не хватит.

В рубке установилась тишина. Никто не шевелился.

— Не выйдет, Бриггс, — вменялся Дон. — Вы мошенник, и сами это знаете. Ожесточившийся маленький человечек и к тому же, неумелый пират. Никто не собирается умирать за вас. Я — капитан этого корабля, и если вы сейчас же бросите оружие, обещаю вам снисхождение.

— Не слушайте его! — яростно закричал Бриггс, и его лицо налилось кровью. — Вперед! Схватить этого ублюдка!!

Но его люди начали сомневаться. Они готовы были сражаться, если бы верили в победу, но не решались посмотреть в лицо смерти, плясавшей на мушке пистолета Курикки. Они переступали с ноги на ногу, грызли ногти, чесали затылки, ковыряли в зубах, но активных действий не предпринимали.

— Труссы! — взвизгнул Бриггс, и покраснел, как гнилой помидор.

Внезапно он нагнулся и схватил стальной прут, выроненный охранником. — Среди вас нет мужчин! За мной! Он не посмеет выстрелить! Он — всего навсего трусливая свинья, и боится больше, чем любой из вас!! — после этих слов генерал бросился вперед.

— На вашем месте я бы не стал этого делать, — произнёс Курикка.

Он взвел курок, но легкий щелчок прозвучал неожиданно громко в отсечной тишине. Оружие было готово к бою.

— Вы не посмеете! — закричал Бриггс, поднимая прут.

— Я пристрелю любого из ваших щенков, но не вас, — опустив пистолет произнёс Курикка. — Вас я желаю видеть на суде.

Победно закричав, Бриггс опустил свое оружие на голову унтера. Для такого крупного мужчины Курикка двигался, как кошка. Он сделал шаг вперед, блокировав удар поднятой рукой.

Минутная борьба, и прут выскользнул из онемевших. пальцев Бриггса. Повернувшись на носках, Курикка молниеносно ударил генерала ниже пупка.

Согнувшись пополам, тот рухнул на пол. Не обращая на него внимания, Курикка повернул оружие в сторону стоящих в дверях людей.

— Я застрелю любого, кто не подчинится мне. Бросайте оружие!

Никаких сомнений уже не оставалось.

Дубинки полетели на пол.

Мятеж был подавлен, потому что все мятежники выглядели подавленно.

Курикка взглянул на неподвижного генерала и неожиданно улыбнулся.

— Вы не представляете, какое мне всё это доставило удовольствие, — сдерживая смех, заявил он, — особенно то, как я размялся с генералом.

Дон подошел к сидящему в кресле Дойлу и внимательно осмотрел рану на его предплечье.

— Национальный чемпион в стрельбе из пистолета, — гордо сказал Курикка. — Не имею дурной привычки мазать.

Введя антибиотики, Дон наложил жесткую повязку. Коснувшись обнаженного участка руки Дойла, он вздрогнул и приложил к ней датчик.

— Дойл скоро отойдет к праотцам, — пояснил он. — Температура 40,5 градуса.

— Я не удивлен, — сказал Учальде. — Не хотел об этом говорить раньше, но вынужден признаться, что моя собственная температура на протяжении нескольких последних часов была немного выше обычной.

— Курикка, — позвал Дон. — Я должен найти этот метеорит, и как можно быстрее.

Взглянув друг на друга, оба увидели страх, отразившийся в глазах каждого.

— Еще одно приспособление, — сказал Спаркс. — Думаете, оно сработает?

— Должно, — произнёс Дон, стараясь не поддаваться отчаянию, при виде собранного со всего корабля оборудования, которое теперь лежало на столе в его лаборатории. — Теория верна, мы проверили ее в больнице Марса. Они построили точную копию этой штуки, используя те же приборы, что и мы. При испытании она вела себя превосходно. Точно следуя их рекомендациям, мы сможем выделить любой полученный нами вирус и приготовить сыворотку.

«Если мы, конечно, найдем его, — добавил он про себя. — Вся проделанная нами работа окажется безрезультатной, если теория неверна, и этот обломок скалы не имеет ничего общего с болезнью. Слишком много «если»...»

Но это давало единственный шанс. Дон уже просунул в скафандр тело, и в руках держал металлический ящик.

— Надеюсь, что этого хватит, — произнёс он.

— Должно хватить. Его размеры больше входного отверстия, оставленного метеоритом. Как оно работает?

Курилка откинул плоскую металлическую крышку ящика.

— Достаточно просто. Мы помещаем сюда метеорит и смазываем внутреннюю поверхность крышки эпоксидным клеем. Он превосходно действует в вакууме. Герметизирует в течении двух минут. Единственную трудность составляет открытие баллончика.

— Все будет отлично, если мы найдем метеорит, — сказал Дон, надевая шлем. — Пошли!

— Сколько человек уже больны? — спросил Курилка.

— Я бросил считать уже на шестидесяти. Больше половины присутствующих на борту. И ещё трое умерли.

Он подошел к лифту.

Шестерни механизма подъема натужно загудели, унося их к центру корабля. Когда лифт остановился, они оказались в полной невесомости. В этих условиях Дон двигался гораздо медленнее старшины, давно привыкшего к отсутствию силы тяжести. Когда Дон, наконец, догнал его, тот уже открыл двери переходного шлюза, ведущего в трюм корабля.

— Пройдем в трюм, как можно ближе к месту столкновения. Мы

приварили пластырь на пол палубы «С» в тридцати метрах отсюда, но я с тех пор не бываю здесь. Вероятно, мы сможем проследить путь метеорита, но я не имею ни малейшего понятия, насколько далеко он мог проникнуть. Единственное, что я знаю, он не покинул пределы корабля. Приготовьтесь, начинаем переход...

Защелкнув забрала своих шлемов, они молча ждали, когда двери за ними захлопнутся и начнется откачка воздуха. Наконец, загорелась зеленая лампочка, и автоматически открылась вторая дверь. Они поплыли в темноту громадного отсека.

Это был кошмарный мир света и тени. Не успели они удалиться на расстояние нескольких футов от входа, как Дон уже полностью потерял ориентацию. В безвоздушном пространстве трюма темное пятно могло оказаться либо тенью, либо реальным телом. Обнаружить это можно было либо при непосредственном контакте, либо осветив его лучом ручного фонаря, который был встроен в шлем. Дон никак не мог приспособиться к нему. Схватившись за стальную скобу в стене, он остановился. Освещая путь перед собой, к нему подплыл старшина.

— Поначалу это довольно трудно, — прозвучал его голос в наушниках Дона. — Но вы быстро приспособитесь.

— Здесь нет ни верха, ни низа. Как только я начинаю двигаться, тут же теряю ориентацию.

— Не вы единственный, сэр. Сосредоточьтесь на чем-нибудь одном, отбросьте все остальное. Я медленно двинусь вперед, а вы держитесь за мной. Смотрите на меня — луч вашего фонаря уперся мне в спину. Если захотите взглянуть на что-то в стороне, поверните не глаза, а голову. Готовы!

— Да, поехали.

Пространство трюма было заполнено почти полностью. Со всех сторон громоздились громадные контейнеры, отбрасывая в стороны аляповатые тени. Достигнув поперечной балки, Куриikka с легкостью обогнул ее. Здесь он осветил темную поверхность у себя над головой.

— Посмотрите сюда, — сказал старшина, указывая на неровную дыру, заделанную с другой стороны блестящей металлической пластиной. Это и есть наложенный нами пластырь.

Повернув головы, они сфокусировали лучи своих фонарей на алюминиевом контейнере в нескольких футах от них. На одной из его стен чернела рваная пробоина.

— Это он? — спросил Дон.

— Точно. Но прежде, чем мы откроем контейнер, убедимся, что он по-

прежнему там. Оставайтесь здесь, один я смогу работать намного быстрее.

Куриikka оказался прав, осмотр был произведен довольно быстро. Дон посветил внутрь пробоины, но кроме темноты ничего не увидел.

— Я нашёл проходное отверстие, — прозвучал голос Куриikka. — Сейчас я провожу вас.

За контейнером, прикрученным к стенке пластиковым тросом, находился тюк. Его-то и прошёл метеорит.

— Одежда, — пояснил Куриikka, прочитав этикетку. — Нам повезло. Она замедлила его движение, даже скорее всего остановила. Режьте крепление ножом, нам надо вытащить весь тюк.

Перерезать тросы оказалось нетрудно, но высвободить тюк из зажавших его собратьев — невозможно. Вскоре все-таки все тюки, медленно сталкиваясь друг с другом плавали над их головами.

— Нужно открепить всю кучу, — сказал Куриikka, перерубая тросы. — А потом вытащить их по одному.

Не без труда им удалось отыскать нужный, но направив на него луч света, они увидели в нем сквозную дыру.

— Еще одна, — сказал Куриikka. — Метеорит где-то дальше.

Второй ряд тюков оказался таким же плотным.

— Нам не освободить его, — сказал Дон.

— Это и не понадобится., — ответил Куриikka. — Взгляните. Он здесь...

Быстрым ударом ножа он вспорол ткань и принялся раскапывать одежду.

Они вгрызались, как мыши в мешок с зерном, пробиваясь все глубже.

— Есть, — произнёс наконец Дон. Он выдохся и не чувствовал ни радости, ни удовлетворения.

Метеорит выглядел довольно банально. Кусок грязной скалы, покрытый полосками молочно-белых кристаллов.

— Ящик, быстро! — отпрыгнув, приказал Дон. — И не прикасайтесь к нему.

— Эти кристаллы — то, что мы ищем! — спросил Куриikka, подталкивая камень кончиком ножа.

— Думаю, да. По крайней мере надеюсь. — Лоб Дона покрылся каплями холодного пота. — Замазывайте.

Не торопясь, Куриikka достал тубик с клеем и обмазал поверхность крышки. Затем он приложил ее и внимательно осмотрел клей.

— Через пару минут будет крепче стали, — сказал он.

— Хорошо. Ножи оставим здесь, на них может быть зараза. И

поосторожней снимайте свой скафандр: микробы могут быть и там.

— Так точно. Следуйте за мной. Ящик будет полностью герметичен ещё до того, как мы войдем в шлюз.

— Как этот вирус выглядит? — спросил старшина, когда они, войдя в переходной шлюз, ждали открытия дверей.

— Не имею понятия. Как угодно. Возможно, это кристаллы. — Дон перчаткой стер со шлема водяную пыль, образовавшуюся при откачке воздуха. — Когда мы сможем снять скафандры?

— Не раньше, чем загорится зеленый свет. Мы откроем их с той стороны. Здесь металл охлажден, можно получить сильный ожог.

Выйдя наружу, Дон протянул руку.

— Давайте мне ящик, — сказал он. — Отойдите и снимите скафандр. Постарайтесь не дотрагиваться до его внешней оболочки. Если понадобится, я помогу вам. Затем возвращайтесь в рубку.

— Вам понадобится помощь... — запротестовал Куриikka.

— Нет, я не боюсь заразиться. Я достаточно компетентен, чтобы распознать болезнь. Дело в том, что я болен сам...

Изолировав днем раньше заболевших пассажиров, они сделали полдела. Теперь восемьдесят процентов всех находившихся на борту людей свалила лихорадка.

Марс был уже в двух днях пути. Их уже ждали ракеты с врачами на борту. Никто не осмеливался покинуть борт корабля без особого на то разрешения. Большой Джо был объявлен зачумленным. Он должен будет находиться в изоляции, пока не найдут лекарство, способное остановить болезнь. На его борт доставят пищу, медикаменты, оборудование, но никто не покинет его пределы.

Дон принял ещё одну таблетку и вытер лоб полотенцем. Усилием воли он взял себя в руки и установил капельницу на нужный режим.

— Предоставьте это мне, доктор, — предложил Рама.

— Нет. Уходи, пока сам не подцепил эту гадость.

— Но это уже не важно, сэр. Я могу помочь вам, и вы должны смириться с этим. Как дела с вирусом?

— Не знаю. Я даже не уверен, на правильном ли я пути. У нас нет подопытных животных, и испытывать придется прямо на себе. Я растворил добытые кристаллы в питательной среде различных растворов при различной температуре, затем профильтровал и пропустил сквозь наши приборы. Но в результате может получиться обыкновенная вода. — Дон закашлялся и вновь обтер себе лоб. — Как дела в рубке?

— Я только что говорил с Куричкой и Бойдом. Оба пока здоровы и настроены оптимистично... К несчастью, я проговорился, что Учальде в коме, и что рассчитывать не него не приходится. Но Марс передает, что теперь уже может управлять кораблём, даже если в отсеке управления не останется ни души.

Услышав звонок таймера, Дон подошел к центрифуге. Внезапно, без каких-либо предупреждений, он рухнул на пол. Подхватив его под руки, Рама дотащил тело до кресла.

Через несколько минут Дон встал на ноги.

— Скоро я буду в порядке. А ты пока отключи центрифугу, — сказал он, держась обеими руками за подлокотники. — Если повезет, это может оказаться тем, что нам нужно — вирусным агентом.

— И мы его тут же используем? — волнуясь, выдохнул Рама.

Дон покачал головой.

— Не сразу. Для начала помоги мне разобраться с этим раствором. — Он взял одну из колб и принялся разглядывать темную жижу, осевшую на дне. — Здесь расположены кристаллы, растворенные в питательной среде того же состава, что мы использовали для перегонки в центрифуге. Если первая попытка не принесет успеха попробуем ещё раз.

Тщательно настроив аппаратуру, Дон произвел второй этап перегонки и открыл дверцу центрифуга. Под слоем жидкости, на дне колбы, плавал коричневый осадок.

— Принеси шприц и иглу.

Вскоре в его руках был шприц, наполненный темновато-коричневой жидкостью.

— Сделай укол тем, кто на грани смерти.

— Доза?

— Не знаю. Вероятно, три с половиной кубика. Сначала самым тяжелым, потом остальным. Лекарства, что находится в центрифуге, хватит на всех... — Звонок. Температура 110 градусов, фильтрация. — Осторожно, если разольешь лекарство — не восстановить... — Было бы намного проще, если бы не так дрожали руки.

Звонок. Что дальше? Ага, ополоснуть водой лицо. Или даже лучше, подставить голову под кран. Это поможет. Должно помочь.

Неужели это я в зеркале? Ты давно не брился, док. Напугаешь всех пациентов своим видом. Что же дальше?

Теперь прямо перед глазами пол. И соленый вкус во рту. Старая боль в щеке...

— Рама?

— Вы упали, сэр. Небольшой порез... Сейчас я обработаю его.

— Аппаратура! Я разбил какой-нибудь прибор?

— Должно быть, вы почувствовали приближение обморока и откинулись от стола. А потом я услышал звон таймера. Что дальше?

— Помоги мне подняться. Я покажу тебе.

Как трудно сосредоточиться...

— Что с пациентами, Рама?

Черт возьми, он же только подумал об этом, а не сказал!

— Сколько прошло времени с тех пор, как ты сделал уколы?

— Чуть больше восьми часов, сэр. Я сделал укол и вам, когда...

— Как они?

Последовало долгое молчание, наконец, Рама ответил:

— Никаких изменений. Две смерти, и к тому же заболел Курикка.

— Неужели все напрасно, и мы погибнем все до единого? — хрипло произнёс Дон. — Но другого выхода я не вижу...

Ничего не поделаешь, придется уступить и умереть... Но нет, это не для него!

Собрав волю в кулак, поскольку тело отказалось повиноваться ему, Дон выпрямился. Он принялся остервенело тереть глаза, пока не почувствовал в них боли. Слезы полились по щекам, но теперь он снова ясно видел окружающие предметы.

— Отключи звонок. Так, теперь охлади лекарство и поставь его в центрифугу на четыре минуты, и в дело...

— И это будет нужное лекарство?

Дону показалось, что он улыбается, но на самом деле губы скривились в гримасу боли широко обнажая зубы.

— Это будет прозрачная жидкость, похожая на дистиллированную воду. Мы...

Он медленно проваливался в темноту...

Вселенная состояла из двух черных скал, огромных, как и сам мир. Они разговаривали друг с другом — неизвестные слова неизвестного языка — ничего, что представляло бы интерес. Говорящие горы... И все же. О чем это они?

— ... можно начинать...

— ... или...

— ... все кончилось.

Какие-то бессвязные обрывки слов. Неужели это и вправду горы?

Нет, ЛЮДИ, и они ГОВОРЯТ О НЕМ!

Долго, очень долго Дон пытался ухватить эту мысль, и это встревожило его. Впервые за все время он понял, что его глаза закрыты. Память пуста, а тело существует отдельно от мыслей.

Но сначала глаза, потому что горы — это люди, вернувшие его к жизни, и он должен увидеть их.

Усилием воли Дон открыл глаза. Перед ним находилось что-то белое.

— Доктор!

— Вижу...

Голоса помогли ему сосредоточиться, и он увидел девичье лицо, а затем и всю девушку в белой служебной форме. Он никогда не встречался с нею, откуда же она могла взяться на корабле? И тот другой, в белом — ещё один врач... Дону захотелось сказать им, что он видит их лица, но язык ещё не повиновался ему.

— С вами пока не все в порядке, но главное, что то живы и скоро поправитесь. Я хочу, чтобы вы подумали над этим прежде, чем уснете.

Словно ребенок, подчиняющийся приказу он закрыл глаза и погрузился в сон.

Проснувшись в следующий раз, Дон понял, что он в полном сознании. Его мучило, он был, словно выжатый лимон, но зато полная ясность в голове. На сей раз вместо незнакомцев он увидел смуглые черты Рама Кусума, склонившегося над ним.

— Сэр! — закричал тот. — Идите сюда, он проснулся!

Раздались тяжелые шаги, и Дон увидел улыбающегося Курикку.

— Вы сделали свое дело, капитан. Вы спасли нас всех.

Именно эти слова Дону хотелось услышать больше всего.

Они в безопасности, остальное не в счет. Дон попытался заговорить,

но кашель перебил его слова. Рама поднес к его лицу стакан с водой. Она освежила Дона, и следующая попытка была удачной.

— Что произошло? Расскажите мне все по порядку.

Вместо своего нормального голоса, он услышал хриплый шепот.

— Когда вы потеряли сознание, и меня позвал Рама, я был там же, в лазарете и чувствовал себя довольно паршиво. К тому времени каждый из нас был уже болен в большей или меньшей степени. Мы быстро уложили вас в кровать и тогда Рама показал мне продукт второй переработки. Сразу я, знаете ли, засомневался. Уж очень обычный у нее был вид... Первый укол мы сделали вам, затем всем остальным, находящимся в лазарете. Там уже был один мертвец — последний случай на корабле. Знаете, кто это был? Не поверите: Дойл... Так что ему не удалось занять свое место на скамье подсудимых...

— Генерал...

— Жив и здоров. — Курикка кисло улыбнулся. — В прекрасной форме, чтобы предстать перед судом. Откровенно говоря, я бы предпочел, чтобы правосудие покарало его уже на том свете. Но теперь это уже не важно. Вы сами, капитан — вот что было важно. Не поверили бы, если бы не видели собственными глазами. Мы вернулись в лазарет за новой порцией лекарства. Рама взглянул на вас... Он не удержался, чтобы не позвать меня.

— Прошло буквально несколько минут, — заговорил молчавший до сих пор Рама, — а лихорадки как не было. Вы спали обычным человеческим сном и даже тихо похрапывали. Разрушительное действие болезни еще, правда, не дало о себе знать, но лихорадка отступила мгновенно. Вторая перегонка попала в самую точку. Те, кого болезнь захватила недавно, после укола тут же встали на ноги и принялись помогать нам. Мы провели повальную вакцинацию, и уже на следующий день в рубке и двигательном отсеке были наши люди. Но это уже не было особенно важным. Большой Джо сам вышел на орбиту.

— Вы утомили его, — произнёс чей-то голос. — Покиньте палату.

Увидев врача в дверях, Дон улыбнулся и покачал головой.

— Это самый лучший способ лечения, доктор.

— Несомненно, но думаю, что на сегодня больше чем достаточно. Они вернутся, как только вы проснетесь.

После ухода Рама и Курикки, врач молча взял шприц с маленького стола у изголовья кровати. Проследив за ним взглядом, Дон понял, что находится не в корабельном лазарете: кровать, впрочем, как и вся комната, была намного больше знакомых ему.

— Каюта капитана, — понял он, увидев на стене фотографию «Иоганна Кеплера».

— Перед тем, как я усну, позвольте мне ещё один вопрос.

Внимательно посмотрев на него, врач молча кивнул.

— Как там мои пациенты?

— Чувствуют себя намного лучше, чем вы сами. Ваше волшебное лекарство сработало отлично, но корабль, естественно, ещё на карантине. Мы должны быть абсолютно уверены в его безопасности. Что же касается вас, то вы настолько перегрузили свой организм антибиотиками, что я порой, честно говоря, боялся забашу жизнь.

— Но у меня не было другого выхода.

Врач открыл было рот, но так ничего и не произнёс. Затем он улыбнулся.

— Да, действительно так. Я рад, что там были вы, именно вы, потому что будь там я, не знаю, чем бы все это кончилось.

— И последнее. Об этом мятеже. Что собираются делать с мятежниками? Вы должны оценить наше тогдашнее положение. Это была провокация...

— Мы знаем, и вряд ли кто-нибудь кроме генерала Бриггса предстанет перед судом. Это мое личное мнение, хотя все случившееся можно оценить только как самое настоящее пиратство. Вы офицер и законно приняли на себя командование. Более того, вы и сейчас исполняете, обязанности командира корабля, поскольку новый ещё не назначен. Я пока не знаю, как вас называть — доктор или капитан. Но в любом случае вы должны спать.

Дон заснул, улыбаясь.

На следующее утро, сразу после завтрака, сиделка побрила его и положила под голову ещё одну подушку.

— К чему бы это? — удивленно спросил он.

— У вас будут гости, и вы должны выглядеть молодцом.

— Гости? Я думал, что слишком болен для посетителей. Во всяком случае, вы сами так говорили. Я же...

Он не закончил.

— Разрешите войти, сэр, — произнёс с порога Курикка.

— Что? Конечно, проходите, но почему?...

Дон удивленно замолчал, увидев на Курикке парадную одежду с золотыми нашивками на рукавах.

Вероятно, он позаимствовал ее у какого-нибудь космолетчика, поскольку его собственная одежда была отправлена за борт вместе с остальным багажом. За ним вошли и остальные, и все в парадной форме:

Рама Кусум — механик двигательных установок и врач по призванию, стюард Парсер, Спарк, техник Тиблевски, Хансен.

А за ними в своем обычном костюме, но подтянутый, как и все остальные, вошёл Учальде.

— К сожалению, всему экипажу не разрешили навестить вас, сэр, но мы будем говорить от его имени. С нами доктор Учальде, поскольку он, несомненно, один из членов экипажа.

— Это так, — коротко произнёс Дон, вспоминая о том, что произошло с коррекцией курса и подавлением мятежа.

— Мы были уверены, что вы поймете нас, сэр. Вот почему он с нами, с нашей командой.

Курикка наклонился над Доном.

— На корабле я строго придерживался необходимой субординации. Но, полагаю, сейчас не тот случай. Карантин продлили на несколько дней, а вас хотят переместить в больницу на Марсе. Командор Депрадра собирается отбуксировать «Иоганн Кеплер» к Земле. Но пока он не принял решение, капитаном остаетесь вы.

В руках у Курикки появился пакет.

— Это ваше по праву, сэр. Нет ничего почетнее, чем быть капитаном корабля. Не многие удаивались этого. Вы тот человек, который спас нас всех. Это главное.

Развернув пакет, он достал фуражку с золотой кокардой и изображением ракеты на ней.

— Это капитанская фуражка. Мы купили её здесь, однако, теперь она ваша. Подарок от всего экипажа, капитан.

Взяв её в руки, Дон не нашёл, что сказать. Стоявшие перед ним так же молча отсалютовали ему. Дон приложил руку к козырьку. Его состояние невозможно было передать никакими словами, и это ясно было видно по выражению лица. Теперь все присутствующие были связаны неразрывными узами космического братства, молча экипаж стал покидать каюту. Последним уходил Курикка.

— Капитан, что вы собираетесь делать после выписки из госпиталя? Многие врачи занимаются практикой на одном из пыльных шариков. А ваши планы каковы?

До сих пор Дон собирался обосноваться на одной из планет. Это нимало не смущало его. Но теперь он понял, что это невозможно. «Пыльный шарик»... иначе и сказать нельзя. Как он может сравниться со сверкающей чистотой космоса?

— Не верьте сплетням, старина, — широко улыбнулся Дон. — У меня

нет ни малейшего желания прозябать на Земле.

— Точнее не скажешь, — улыбнулся Курикка.

Отдав честь, он вышел из каюты.

Дон снова остался один.

Снова взяв в руки фуражку, он погладил золотой цилиндр на кокарде. Дон почти сожалел, что путешествие окончилось. Вероятно, ему будет очень скучно работать простым врачом.

— Тяжёлый перелёт, и я рад, что с ним покончено, — тихо сказал он. — Рад, что я, наконец, в безопасной гавани: но у меня осталась фуражка и мои воспоминания, о том, что с ней связано. И они всегда будут со мной.

